

АМЕЛИ ВЭНЬ ЧЖАО

АЛАЯ
ТИГРИЦА

— ❧ — СВОБОДНАЯ. НЕИСТОВАЯ. ЖИВАЯ ❧ —

Young Adult. Магия крови

Амели Вэнь Чжао

Алая тигрица

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вэнь Чжао А.

Алая тигрица / А. Вэнь Чжао — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Магия крови)

ISBN 978-5-04-163396-7

Кирилия охвачена волнениями – повсюду разруха, мятежники. Страну незаконно захватила новая правительница Морганья: аффинитка, чья сила в управлении плотью и разумом. АНАСТАСИЯ – единственная, кто остался в живых из членов царской семьи. Теперь у нее нет ни титула, ни союзников, ни собственной армии. Ей придется найти способ свергнуть Морганью, вернуть трон, принадлежащий ей по праву, и спасти родную страну. Только РАМСОН сможет помочь ей в этом деле. Правда, у него другие планы: помешать процветанию преступной империи в Брегоне. Смогут ли эти двое объединиться вновь? Вместе им придется, преодолев сотни миль, добраться до каменных фортов далекого государства. Но зло, которое скрывается там, за неприступными стенами, повергает в шок. Наступит ли в Кирилии мир или ее улицы навсегда будут залиты кровью?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-163396-7

© Вэнь Чжао А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	12
3	18
4	22
5	24
6	29
7	35
8	37
9	41
10	47
11	49
12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Амели Чжао

Алая тигрица

Amélie Wen Zhao
Red Tigress

Text copyright © 2021 by Amélie Wen Zhao

Jacket art copyright © 2021 by Ruben Ireland

© Алиева З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моей дорогой сестре Ариэль

1

В Ново-Минске разило смертью.

Так было всегда, но для Рамсона Острослова этот город источал еще и зловоние власти, коррупции, убийств и стремления выжить, которое смешивалось с дурманящим благоуханием, что разъедало душу. И все осталось так же, не считая жуткой темноты и тихого снега, ложившегося на город.

Быстро и уверенно, Рамсон двигался по узким улицам города, который был прибежищем его детства. В прошлый раз он оказался здесь с Анастасией Михайловой во время празднования Первоснежа в особняке своего бывшего хозяина. С тех пор прошло чуть больше одной луны, но теперь город был практически неузнаваем.

За четыре недели Ново-Минск превратился в город-призрак, брошенный большинством своих жителей, пытавшихся сбежать от нового режима. Улицы, которые когда-то мерцали в свете факелов, заполненные разодетыми в драгоценности горожанами и шумными гуляками, теперь угнетали закрытыми ставнями магазинов и пустыми окнами. Места, где шайки преступников боролись за остатки еды, усеивали тела. Их накрыл снег, из-под которого виднелись лишь проблески одежды или торчащие ботинки, словно жуткие могильные знаки.

Подобное уже встречалось ему во время путешествия с Аной по разоренным городам. С тех пор как Морганья взошла на трон, большая часть севера Кирилии перешла под ее контроль. Из газетных обрывков и разорванных афиш, которые они находили в заброшенных деревьях, Рамсон и Ана узнали об имперской инквизиции, о развернувшейся охоте на тех, кто был как-то связан с торговлей аффинитами. Это движение во главе со слепо преданными императрице аффинитами стало играть значительную роль в режиме Морганьи.

Юг, однако, оставался свободным от усиливающейся хватки ее власти. Включая порт Голдвотер. По словам Аны, Красные плащи основали там свою базу, которая оставалась одним из последних убежищ как для аффинитов, так и для не-аффинитов. Именно туда Ана и направилась, чтобы начать освободительное движение, объединившись с Красными плащами.

И именно там Рамсон начал задумываться о том, что после того, как все это закончится, он мог бы снова побороться за какое-то подобие жизни для себя. Когда-то он был капитаном порта и под руководством своего бывшего хозяина Аларика Керлана построил город, где процветали торговля, преступность и подпольные группировки, но это место он мечтал когда-нибудь назвать своим домом.

Он не сказал Ане, куда конкретно собирается этим вечером, потому что это не было задание, *конкретно* касающееся ее – их – миссии. Рамсон почувствовал безмолвный зов этого места, как только ступил в Ново-Минск, призрачное притяжение связи, которую ему так до сих пор и не удалось разорвать.

Он пришел, чтобы лично выяснить, что случилось с Алариком Керланом и Орденом Ландыша. Чтобы раз и навсегда попрощаться со своим прошлым, превратившимся в руины, а затем отправиться в новый путь.

Его недавно заточенный мизерикорд резко перестал постукивать по бедру, стоило Рамсону завернуть за угол и замедлить шаг. Он осознал, как вдруг рад острому ножу на своем поясе.

Поместье Керлана, наполовину занесенное снегом, одиноко стояло посреди заснеженной улицы, его потрепанные золотые ворота были широко распахнуты. Исчезли ряды охранников в ливреях; исчезли лампы из алмазного стекла, отбрасывавшие ореолы света на пышные лужайки; потухли ярко освещенные окна, горящие в самые темные ночи.

Рамсон коснулся рукой, облаченной в кожаную перчатку, сломанных ворот и заколебался.

Даже сейчас вид поместья Керлана вызывал в нем водоворот эмоций. Он познал здесь боль – так много боли, выжженной на его плоти в форме клейма Ордена Ландыша. Он видел, как растет маленький Рамсон, движимый голодом и страхом, осознанием, что должен сделать все что угодно, чтобы выжить. И он познал вкус счастья, мимолетного, как вспышки цвета в серых небесах Империи, в кровавых сделках, которые заключал, и почестях, которые получил, заплатив жизнями других людей, когда поддерживал правление Аларика Керлана.

Сердце Рамсона бешено колотилось в горле, когда он торопливо поднимался по заснеженной тропинке. Добравшись до особняка, он увидел, что одна ручка гигантских двустворчатых дверей из красного дерева сломана; другая, кажется, была отрублена зазубренным лезвием. Дерево закрипело, когда он толкнул дверь и вошел внутрь, особняк широко распахнул пасть, как темная, безмолвная ловушка.

Поместье Керлана выглядело так, словно его разграбили. С мраморных стен были сняты картины в золотых рамах, а вазы из лазурита исчезли вместе с другими предметами, которые Керлан считал экзотическими. Кто-то разбил стеклянный потолок, и одна из хрустальных люстр рухнула в центр банкетного зала, хаотично рассыпавшись сверкающими в лунном свете стеклышками. Снежные сугробы занесли коридоры, и дыхание Рамсона клубилось перед его лицом, пока он шел дальше.

Когда Рамсон завернул за угол, то чуть не споткнулся о мертвеца, и тут же насторожился.

Застывшее тело покрывал снег; виднелись только рукав и окоченевшая почерневшая рука. Рамсон опустился на колени возле трупа, сметая свежавывающий снег, чтобы откопать левую руку мужчины. Как он и подозревал, на внутренней стороне запястья была нанесена татуировка в виде ландыша.

Он был членом Ордена.

Вместо того чтобы испытать страх, горе или даже жалость, Рамсон с холодным любопытством осмотрел замерзшую руку. Равномерно почерневшая кожа указывала на внутреннее кровотечение. А на предплечье вздулась плоть – свидетельство высыпания.

Его отравили.

Рамсон стряхнул снег, открывая лицо мертвеца.

Оно было искривлено от боли, покрыто синяками отвратительного пурпурного цвета и со временем сжалось, но прекрасно сохранилось благодаря холоду. Рамсон изучал лицо еще несколько секунд, пока не решил, что этого человека он не знал. Это был труп рядового бойца, ничтожества, оставленного гнить, когда зима унесет свои снега.

И хотя их хозяина не было поблизости, его голос разносился над Рамсоном призрачным эхом.

Полагаю, ты умрешь безвестной и ничтожной смертью, а твое тело сгниет в сточных водах Дамбы.

Рамсон резко поднялся на ноги, и шепот рассеялся, когда до него донесся какой-то звук.

Одним движением он выхватил клинок, взмахнул рукой и развернулся.

Испуганный крик – его лезвие коснулось нежной плоти плоти незащищенного горла и... длинных, волнистых волос.

Рамсон сжал в кулаке волосы и потянул незваного гостя под лунный свет. Его опасения сменились удивлением.

– Олюша, – сказал он, когда женщина стала вырываться из его хватки. – Черт возьми.

– Отпусти меня, – выдохнула она, но Рамсон только притянул ее ближе, прижимая мизерикорд к нежной шее.

– Вряд ли, – сказал он. Черт возьми, он не планировал здесь ни с кем столкнуться, но, как хорошо знал Рамсон Острослов, все редко шло по плану. – Я должен был догадаться, что это твоих рук дело. Белладонна?

– Олеандр, – прохрипела она. – Ты потерял хватку, Острослов.

– Решишь выкинуть какой-нибудь фокус, и мы проверим, насколько я разучился обращаться с клинком.

Впервые он узнал об Олюше как об аффинитке, работающей в Манеже и специализирующейся на ядах и иглах с токсинами. И хотя она этого не знала, он использовал ее как разменную монету против Богдана, приветливого, но глупого управляющего печально известным клубом Манеж, где Аларик Керлан устраивал шоу, в которых принимали участие оказавшиеся в рабстве аффиниты.

То, что она была здесь, среди погребенных под снегом трупов с признаками отравления... У Рамсона закралась надежда, что он близок к тому, чтобы узнать правду, что же случилось с Орденом.

Олюша зашипела, но клинок, прижатый к ее горлу, заставил ее смягчиться.

– Тогда, пожалуй, мы оба пополним собрание трупов у наших ног, – усмехнулась она. – Отпусти меня. Я пришла сюда не для того, чтобы убивать тебя.

– Тогда почему ты здесь? – вежливо спросил Рамсон, прижимая клинок к ее горлу, хорошо зная, как доставить неудобство, но не ранить.

– Чтобы предупредить тебя. Керлан хочет твоей смерти, и он назначил высокую цену за твою голову. Орден, кажется, жаждет твоей крови, Острослов. – Она сделала паузу. – Во всяком случае, та часть, которая от него осталась.

При этих словах он поднял глаза и почувствовал, как натянулась внутри нить сомнения. Перед ними и позади тянулся пустой коридор.

– И зачем тебе предупреждать меня? Мы сделаны из одного теста, Олюша, так что избавь меня от попыток убедить меня в своей доброте душевной.

– Потому что ты мне нужен. – Резкость в ее голосе оттенила отчаяние, которое слышалось в ее следующих словах: – Богдана нет.

Это стало новостью для Рамсона.

– Что ты имеешь в виду?

Несколько раз, когда он сталкивался с Олюшей в Манеже, она говорила тихо и смотрела глазами, как у лани, цепляясь за украшенный золотом рукав Богдана. Управляющий спас ее от пожизненных выступлений в Манеже, на которые она была обречена согласно контракту, и женился на ней. Именно Рамсон помогал подделывать отчеты Керлана, чтобы тот никогда об этом не узнал.

– Он пропал. Вот почему я пришла сюда найти тебя. – Горло Олюши дернулось под его клинком. – А теперь отпусти меня, и я все объясню.

Итак, ей было что-то нужно от него. Рамсон мгновенно изменил тактику.

– Тогда сделка, – сказал он. – Ты же знаешь, Олюша, я никогда не дам, не возьм.

– Хорошо, – сказала она, и он отступил назад, оттолкнув ее так, чтобы оказаться вне досягаемости игл или острых, пропитанных ядом предметов, которые она могла бы применить. Олюша выпрямилась, массируя горло, и он заметил, как дрожали ее руки, когда она откидывала назад свои локоны. Закутанная в посеревшее и потерявшее свой блеск пальто, она вдруг показалась такой маленькой. Рамсон помнил ее, одетую в лучшие меха и шелка, с жемчугом, который сверкал в ее волосах, когда она поворачивала голову и смеялась.

Рамсон постучал мизерикордом по мраморному полу. Разнеслось глухое эхо.

– Можешь сначала рассказать мне, что случилось с Орденом, – сказал он. – Что ты имеешь в виду под «той частью, которая от него осталась»?

Олюша фыркнула.

– Я забыла, как долго ты был в стороне от всего этого, Острослов. Когда Морганья заняла трон, Керлан заставил меня убить всех, кто был связан с его торговлей аффинитами. Он намеревался похоронить все доказательства, что этот бизнес когда-либо существовал, из страха

перед инквизицией. – Ее глаза вспыхнули. – Затем он ушел с горсткой приближенных. Решил вложиться в торговлю с Брегоном.

Название королевства, в котором родился Рамсон, потрясло его, он насторожился.

– Какая торговля? И почему Брегон?

– Он сказал, что это новая разработка, связанная с аффинитами. Больше я ничего не знаю. Вероятно, чтобы избежать имперской инквизиции и преследований торговцев аффинитами.

Рамсону потребовалось некоторое время, чтобы переварить эту информацию. Морганья когда-то наняла Керлана, чтобы убить наследного принца, брата Аны, но после своей коронации она с яростью выступила против торговцев аффинитами. Вполне вероятно, что Керлан, как всегда, смог узнать об этом прежде, чем все стало очевидно, а потом поджал хвост и убежал. И теперь собирался основать новую преступную империю... в Брегоне.

Что-то не сходилось. Брегон никогда не проявлял интереса к своим аффинитам – магедам, как их называли, – которые на памяти Рамсона в основном оставались властями без внимания.

– И откуда ты это знаешь?

– Потому что, – сказала Олюша, – он взял с собой Богдана. Я не получала от него вестей уже несколько недель.

Ее голос стал тише, большие глаза влажно блеснули в темноте. Наконец Рамсон соединил все точки.

– Тебе нужна моя помощь, чтобы найти его.

– Он обещал, что это будет быстрая работа. Он сказал мне, что вернется в течение одной луны. – Олюша сглотнула. – Я думаю... я думаю, что-то пошло не так.

Он отвлекся – он пришел сюда, следуя за старой привычкой, чтобы узнать, что случилось с Орденом и его бывшим хозяином. Возможно, действительно было лучше не будить спящего волка.

Рамсон начал поворачиваться.

– Я бы с удовольствием помог, Олюша, правда, – сказал он, – но учитывая, что Керлан хочет получить мою голову, думаю, у меня есть дела...

– Он в порту Голдвотер. – Эти слова заставили его замереть и отшатнуться. Рамсон медленно повернулся к ней. Она пристально смотрела на него и, увидев его реакцию, продолжила: – Он сказал Богдану, что хочет заняться этим сам, начнет восстанавливать Орден оттуда. Без сомнения, он использует торговые пути в Брегон, которые ты установил.

Жидкий холод разлился по его венам, и внезапно все планы, которые он строил последние несколько недель, казалось, рассеялись в дым. Порт Голдвотер был центром его надежд на будущее, о котором он мечтал.

Но Керлан добрался туда первым.

Он слышал голос Олюши будто издалека.

– Я думала, это привлечет твоё внимание. Вот мое предложение: альянс, чтобы вместе уничтожить Аларика Керлана, раз и навсегда. Найди его, найди Богдана и приведи моего мужа ко мне. А взамен ты получишь мою защиту. Кто-то должен будет прикрывать твою спину. Кто бы из Ордена ни искал тебя, я доберусь до них первой.

Рамсон молчал, размышляя, его мысли забегали вперед, сплетая ситуации и возможности и взвешивая все «за» и «против». Он хотел оставить Керлана в покое, позволить Ордену исчезнуть из его жизни, оставшись в его прошлом, которое он хотел похоронить, но, похоже, призраки прошлого пришли за ним. Захватив порт Голдвотер, Керлан завладел самым ценным активом, загнав Рамсона в угол.

Сквозь разбитые окна на пол лился лунный свет. В пустом доме Рамсону казалось, что он чувствует присутствие своего старого хозяина, словно холодную тень, маячащую позади него.

Для Керлана все это было игрой, и настала очередь Рамсона сделать ход.

Он устал играть роль пешки.

– Ну что? – услышал он наконец голос Олюши. – Договорились?

– Я согласен, – сказал он. – Только не жди, что я буду жать тебе руку. – Он знал, какие ловушки прятались в ее рукавах, видел, как одна капля ее яда могла полностью парализовать мужчину.

Улыбка Олюши противоречила ее взгляду.

– Я с самого начала знала, что ты не спасешь Богдана по доброте душевной, в этом деле должна быть какая-то выгода для тебя. Похоже, я была права.

– Я действительно настолько предсказуем?

Олюша пожала плечами.

– Я не из тех, кто заявляет, что хорошо тебя знает, Острослов, – сказала она, ковыряя ноготь, – но мы с Богданом не прожили бы так долго в Ордене Керлана, если бы кто-то не приглядывал за нами. Конечно, ты мог делать это для собственной безопасности... Но я действительно думаю, что, несмотря на все, в тебе есть склонность к добру, пусть даже ты совершаешь хорошее в своей кошмарной манере.

Эти слова пробудили эхо воспоминаний. Девушка, стоящая под мягко падающим снегом новой зимы, ее глаза, сияющие ярче луны.

Ты мог бы быть хорошим. Сделай правильный выбор, Рамсон.

Голос Олюши вырвал его из воспоминаний.

– Прежде чем мы расстанемся, у меня есть для тебя еще один подарок, – сказала она. – Я знаю кое-кого в порту Голдвотер. Керлан прежде нанимал ее участвовать в нескольких судоводных делах, специально для Брегона. У нее будет больше информации.

Рамсон запомнил имя, которое назвала Олюша. Оно ни о чем ему не говорило, что его удивило. Возможно, в порту Голдвотер все еще оставались секреты, похороненные глубоко под его песками человеком, который сделал Рамсона тем, кем он был. Тем, кем он все еще являлся.

Пришло время Рамсона проложить свой собственный путь.

Он повернулся к Олюше, приподняв фуражку.

– Рад встрече, Олюша, – сказал он. – Не суетись и сосредоточься на убийстве наших бывших коллег. К тому времени, как закончишь, я вернусь с твоим идиотом мужем.

Она хрипло рассмеялась, когда он собрался уйти, и звук эхом разнесся по коридору.

– Я верю в тебя, Острослов. – Пауза, а затем: – Когда найдешь Керлана, пообещай, что передашь ему привет.

– Я не даю обещаний, – ответил Рамсон. – Так я не смогу их нарушить.

И все же, когда он говорил, чувствовал, как острые края клятвы глубоко проникают в его сердце.

Иона однажды сказал ему, чтобы он жил для себя. «Дело в том, Рамсон, – сказал он, и его черные, как вороново крыло, глаза светились умом и сверхъестественной для двенадцатилетнего парня мудростью, – ты можешь достичь каких угодно высот, но, если делаешь это ради кого-то, все бессмысленно».

И все же, когда Рамсон шел по снегу, а позади маячило поместье Керлана с пустыми окнами и, словно зияющая пасть, разбитыми дверями, он понял, что путь впереди все еще был закрыт, прегражденный тенью, которая становилась больше и глубже с каждым его шагом.

Аларик Керлан олицетворял все, что он презирал в себе, в своей жизни и в этом мире. Пока Керлан жив, Рамсон никогда не сможет быть свободным.

И сейчас, если Керлан создавал новую преступную империю в порту Голдвотер, чтобы добраться до Брегона, используя торговые пути, которые установил Рамсон, то он был препятствием, стоящим на пути к светлому будущему, на которое Рамсон надеялся.

Один из его планов включал создание движения сопротивления на юге вместе с Аной, а затем, после победы в войне, некоторого подобия жизни для себя.

Рамсон поднял лицо к беззвездному небу, и его дыхание закружилась облаком, как только он заговорил:

– Я найду собственный путь, Иона, – сказал он вслух. – Но сначала я собираюсь выследить Аларика Керлана. И убить.

2

Зима затаила дыхание над Ново-Минском, холодная ночная тишина окутала Анастасию Михайлову, когда она искала на улицах кровь. Тут и там ее сила родства улавливала слабые следы: брызги, пропитавшие землю, словно краска; выцветший отпечаток руки на разбитом уличном фонаре.

Она и представить себе не могла, что снова вернется в это место, где пережила потерю и своими глазами увидела жестокость Империи. Но несколькими неделями ранее, находясь в бегах после того, как Морганья чуть не убила ее, Ана послала снежного ястреба своему старому другу Юрию, лидеру Красных плащей, с просьбой о встрече.

Пришел ответ, зашифрованный на случай перехвата: «Встречаемся в девятом часу двадцать шестого дня первой зимней луны, в том месте, где мы встречались в последний раз. Ищи моего связного в тени».

Всего за одну луну Ново-Минск превратился лишь в слабое отражение того, что он представлял, когда они с Юрием встретились здесь. Особняки были оставлены богачами, бежавшими на юг от режима Морганьи; оставшиеся люди не покидали домов, их кровь слабо мерцала за тонкими стенами, когда Ана проходила мимо.

Это не было для нее чем-то новым.

За последние несколько недель во время путешествий они с Рамсоном множество раз натыкались на пустующие города, в разбитых окнах и полузакрытых домах которых свистел ветер. Из объявлений и листовок, разбросанных по улицам, они собрали воедино план Морганьи по установлению нового режима.

«Недавно коронованная императрица Морганья Михайлова справедливо правит, а реформы императорского двора ведут Кирилию в новую эру», – гласил один заголовок. А другой объявлял: «Требуется регистрация не-аффинитов. Документы, удостоверяющие личность, должны быть при себе всегда».

Медленно, но верно Морганья меняла местами положение в Империи аффинитов и не-аффинитов. Но детали этого процесса Ане еще предстояло выяснить.

Завернув за угол, Ана резко вздохнула. Ее шаги замедлились.

Там, где когда-то стоял Манеж, остался обугленный остов здания. Нелепая имитация кирилийского собора была сожжена дотла, а витражи с изображениями едва одетых женщин разбиты вдребезги. Вместо них остались зияющие дыры, похожие на глазницы, глядящие с изуродованного лица.

Трудно было представить Манеж таким, каким, Ана увидела его больше луны назад, когда встретила с Юрием в разгар торговли аффинитами: громким, переполненным извивающимися телами, горячим от резкого запаха пота и приторного парфюма. Теперь позолоченные двери из красного дерева были выбиты. Когда она вошла, под ботинками захрустели обломки, ее шаги громко отдавались в тишине. Расшитые бисером занавески валялись на полу, словно жемчужины из разорванного ожерелья, диванчики были перевернуты и выпотрошены.

Ана взметнула силу родства перед собой, словно факел, ощущая очертания этого места сквозь кровь, брызги которой покрывали стены и ступени, ведущие в помещение вниз.

Она уловила одинокое мерцание где-то внизу.

Ее связной.

Облаченной в перчатку рукой она достала из внутреннего кармана своего нового плаща огнешар – на этот раз темно-красный, цвета крови. Она забрала его в глухой деревушке, идя на поводу у своего желания.

Ана потрясла его. Химикаты внутри зашипели, а затем с треском ожили, создав небольшой огонь, который осветил пространство вокруг.

Держа перед собой огнешар, она спустилась по лестнице и направилась по длинному коридору, ведущему в зрительный зал. Сила родства Аны напряглась, настроившись на мерцание крови, которое становилось все ближе с каждым шагом.

Она вошла в помещение, которое всего несколько недель назад было наполнено светом факелов, смехом и грохотом барабанов.

Театральный купол теперь напоминал мавзолей. Каменные колонны были разбиты, и их осколки устилали пол; шелк и ленты, прежде оплетающие их, теперь были погребены среди обломков.

Кое-где на стенах виднелись следы огня; статуи богов, которые раньше охраняли сцену, повалили люди. Печальное каменное лицо смотрело на нее, когда она шла через зал.

Ана остановилась перед сценой. Ее все еще усеивали цветы и кусочки каких-то вещей, которые использовались при выступлении, прежде чем все здесь было уничтожено. Стекло, смешанное с черным камнем, которое Мэй разбила, блестело, как снег. Никто даже не потрудился навести порядок здесь. Керлан, должно быть, оставил все как есть после восстания.

На мгновение в ее сознании промелькнул призрак воспоминания, и она увидела ребенка, стоящего на сцене, заставляя цветок ожить. Девочка подняла голову, ее глаза цвета океана блестели, волосы мягко обрамляли лицо.

Мы всего лишь пыль и звезды.

Ана резко отвернулась. В груди щемило.

Но было кое-что еще. В потоке своих эмоций Ана почти пропустила мимолетное движение, прошедшее по краю ее силы родства.

Свет огнешара внезапно исчез, погрузив зал во тьму.

Ана слышала собственное дыхание, прерывистое сердцебиение... и слабый шаркающий звук, доносящийся из-за обломков сцены. Она встряхнула огнешар; химикаты зашипели, стекло было теплым, словно пламя еще горело... Но свет не появился.

Она чувствовала человека, стоящего примерно в дюжине шагов от нее.

Ана резко вздохнула.

– Покажись, – сказала она.

Искра света замерцала в огнешаре между ее пальцами. А затем свет вновь вспыхнул, заполнив пространство.

На сцене, у статуи плачущего бога, стоял молодой человек. Он появился внезапно, словно мимолетная иллюзия, и, когда одарил ее пристальным взглядом, у Аны возникло впечатление, что он был скорее не освещен светом, а выкроен из тени.

– Прошу прощения, если напугал, – произнес он ровным, холодным и темным, словно бархатная ночь, голосом. – Необходимо придерживаться всех мер предосторожности при встрече с незнакомцами.

Она раздумывала, наблюдая, как тени окутывали его, словно плащ, был ли он виновником того, что свет пропал.

Ищи моего связанного в тени.

Значит, он аффинит. Теневой аффинит.

– Я подруга Юрия, – ответила Ана.

– Я сильно в этом сомневаюсь. – Он направился к ней, под его начищенными ботинками захрустели обломки. Очертания парня замерцали, а тени лизали его силуэт, и, когда он оказался вблизи, Ана начала различать его черты. На вид он был примерно одного возраста с Рамсоном, всего на несколько лет старше ее. Прядь прямых, чернильно-черных волос небрежно спадала ему на лоб, обрамляя поразительно красивое лицо с чертами, свойственными жителям Азеатских королевств. Он был одет в белоснежную тунику с серебряными пуговицами, плотно застегнутыми на бледном горле. Гибкий и элегантный, он напоминал сказочного принца.

Только в его глазах таилась дикая тьма.

На мгновение она задумалась, не переправили ли его в Империю в юном возрасте, как ее подругу Линн, как Мэй.

Юноша остановился на краю сцены. Легким прыжком он оказался внизу.

– Сеин, заместитель командующего.

Значит, он был заместителем командующего Красными плащами.

Ана заметила, что он не поклонился. Решив проявить вежливость, она опустила голову.

– Анастасия Михайлова. Наследница Кирилийской империи.

Ей показалось, что на долю секунды глаза Сеина сузились, но она моргнула, и его лицо вновь стало бесстрастным.

– Что ж, сударыня, – сказал он, и она снова заметила, что он не обращался к ней так, как того требовало ее положение. – Я здесь по просьбе нашего командира.

В его словах явно слышался скрытый подтекст. *Я здесь не по своей воле.*

Все, что он говорил, каждое его движение совершалось обдуманно, и она начала ощущать скрытую враждебность под его холодной дипломатичностью.

Она вдруг задалась вопросом, что Юрий сказал Сеину, чтобы вызвать отстраненную холодность, с которой он смотрел на нее. Прошло больше одной луны с тех пор, как она в последний раз видела Юрия, еще у Шамиры, когда их пути ненадолго пересеклись, а затем снова разошлись.

«Когда будешь готова, отправь снежного ястреба в порт Голдвотер», – сказал он ей. Тогда его глаза заполняло тепло.

Она посмотрела в холодные, темные глаза его командующего. Что-то изменилось?

– Спасибо, что уделили мне время, – сказала она. – Перейду к делу. Я здесь, чтобы заключить союз с Красными плащами.

Наступила пауза, и у нее возникло странное ощущение, что тени вокруг нее сгущаются, пульсируют, словно живые. Сеин бесстрастно наблюдал за ней.

– И зачем, – медленно произнес он, – Красным плащам заключать союз с вами?

Вопрос застал ее врасплох. Союз с Красными плащами казался совершенно естественным после ее прощального разговора с Юрием.

Ана встретила взглядом с Сеином.

– Вы говорили с Юрием?

– Говорил, – кратко ответил он.

– Тогда вы знаете, что мы сражаемся на одной стороне, чтобы свергнуть Морганью. Я хочу создать безопасный мир, как для аффинитов, так и для не-аффинитов. – Ее дыхание превратилось в ледяной туман. – Я могу победить Морганью. Могу вернуть себе трон.

Сеин шагнул вперед, разгоняя тьму вокруг них, и лунный свет разлился по ним серебряным узором.

– Вы должны понимать, что именно поэтому мы не являемся и не можем стать союзниками.

От этих слов у нее перехватило дыхание.

– Нет, я не понимаю. Разве это не желание Красных плащей – создать равный мир?

Улыбка Сеина была холодной.

– Так и есть.

– Тогда почему...

– Но не ваше, – перебил Сеин, его глаза сверкнули. – Скажите мне, в чем разница между вами и Морганьей? В конце концов, вы обе императрицы-аффинитки, обещающие лучший мир для своего народа.

Ее пронзил шок, за которым последовало отвращение. В какую игру он с ней играл?

– Сеин, – сказала Ана, пытаясь успокоиться. – Вы видели обугленные деревни, сожженных людей, кровавый след, оставленный войсками Морганьи. Она не создает равенства. Она

использует силу, чтобы разрушить общественный строй Империи, одновременно укрепляя собственную власть.

– А разве вы не сделаете то же самое, как только сядете на трон? – Сеин небрежно развел руки, а затем свел их вместе. – Я вижу двух похожих женщин, борющихся за трон, обе обещают лучшее будущее для всех слабых и эксплуатируемых.

Горячая и жгучая ярость лизнула ее грудь.

– Морганья убивает *невинных*...

– Она очищает Империю от тех, кто был связан с незаконной торговлей и эксплуатацией аффинитами.

– И это не равенство и не свобода! Это *бойня*.

Легкая кривая улыбка заиграла на губах Сеина.

– Но разве не об этом говорит нам история? Путь к становлению правителя написан кровью. Усеян смертями тысяч невинных. Морганья тоже обещала нам равенство и свободу. Что делает вас настолько особой, что мы должны бросить к вашим ногам наши силы? Вы просто девочка, рожденная с серебряной ложкой во рту и золотой короной на голове. Это ничего не говорит о том, способны ли вы править.

Огонь, который разгорался внутри нее, погас, оставив лишь холод.

– Видите ли, Анастасия, – продолжил Сеин, – мой вопрос заключается не в том, кто из вас лучшая правительница – вы или Морганья. – Она вздрогнула от того, как он произнес ее имя, с чувством доминирования, словно он внезапно раздел ее догола. – Это связано с самой системой. Последний император и тот, кто был до него, и тот, кто раньше... Все они обещали людям замечательные вещи. И все же позволить монарху остаться недостижимым и всемогущим означает, что нет ничего, что могло бы защитить народ, если этот монарх потерпит неудачу. – Теперь он выглядел мрачным. – Предположим, вы милосердны. Предположим, вы великодушны и правите по справедливости. Что произойдет после вашей смерти? Как насчет следующего правителя или последующего за ним, или тех, кто придут после него? Можете ли вы гарантировать, что они тоже будут нести в себе желание творить добро и чувство справедливости, о которых вы говорите?

Ана попыталась придумать опровержение и обнаружила, что у нее его нет. Она подумала, как впервые столкнулась с имперскими патрулями, как они обращались с ней и Мэй, словно с преступниками, как она собственными глазами видела несправедливость, которой ее отец позволил расцвести в Империи, словно недугу.

Все это время она стремилась занять трон, веря, что сможет все изменить, убежденная, что снова принесет равенство в Империю.

И все же ей никогда не приходило в голову подвергнуть сомнению саму систему правления. То, что говорил Сеин... было для нее невыносимо.

– Вы говорите, что сражаетесь против императрицы Морганьи, – тихо продолжил Сеин. – Говорите, что хотите создать равный мир при монархии. Но во всем виновата сама монархия. Люди – как аффиниты, так и не-аффиниты – слишком долго страдали при правлении великодушного правителя. Пришло время нам сказать, как мы хотим, чтобы нашими жизнями управляли. – Сеин развел руками. – Будущее в руках народа. Такова миссия Красных плащей.

Ей казалось, что ее мир меняется, знамения, которые она пропустила ранее, вспыхивают с новой силой. Юрий любил ее, но он никогда ничего ей не обещал – ни трона, ни союза, ни даже общей цели. Она возлагала все свои надежды на него и его революцию. В своем стремлении к справедливости и равенству она никогда не задумывалась, идут ли они по одному пути.

Но в ее жизни были и привилегии, и угнетение; она была принцессой и аффиниткой. Конечно...

– Я не такая, как другие монархи, – сказала она хриплым голосом. – Я знаю, каково это – быть аффиниткой, когда тебе говорят, что лучше бы тебя не было, и всячески притесняют.

Я видела, что происходит со слабыми и беззащитными в самых темных уголках Империи. Я хочу изменить систему.

– Простого изменения системы недостаточно, – сказал Сеин. – Нам нужно сломать ее. – Он замолчал и опустил руки, почти виновато. – Но хватит о великих политических идеях. Теперь вы понимаете, почему Красные плащи не могут и не будут объединяться с вами. Вы – наследница монархии, Анастасия. Полная противоположность нашему движению.

Она вспомнила момент, который, казалось, был давным-давно: она стояла в лунном свете среди северной тайги рядом с парнем с пылким сердцем.

Красные плащи являлись ее единственными возможными союзниками, а Юрий – одним из немногих людей, которых она любила, но реальность была такова, что они оказались слишком далеки друг от друга, чтобы сражаться на одной стороне в этой войне.

Красные плащи хотели революции.

Она хотела занять трон.

Но... нет. Сейчас они столкнулись с реальной опасностью, которая отодвигала в сторону вопросы, кто и как будет править. Хватка Морганьи крепла по всей Империи, и это был только вопрос времени, когда она доберется до них, уничтожая любые шансы на сопротивление.

На данный момент они находились на одной стороне. Она уже выучила, что враг ее врага – друг.

Юрий должен понять это. Сначала они вместе уничтожат Морганью, а потом уладят свои разногласия. Потому что, подумала Ана, если они не объединятся сейчас, не будет никакого «после».

Той ночью в северной тайге Юрий разыскал ее, чтобы попросить вернуться. Он сказал: «И помни, я люблю тебя, что бы ты ни решила».

Ей нужно было поговорить с ним. Она теряла время с его заместителем.

В вихре своих мыслей она вдруг заметила, что в чертах лица Сеина проявилась ненависть. Его руки лежали на бедрах, на рукояти кинжала в ножнах.

– Монархия должна умереть, Анастасия, – тихо сказал Сеин.

Тени вокруг них сгустились, и по спине Аны пробежал холод. Инстинктивно, она пробудила свою силу родства.

Сеин шагнул вперед.

А затем из тишины появилась вторая вспышка крови. Она стремительно приближалась.

Глаза Сеина метнулись ко входу в купол, и выражение его лица снова изменилось. Свет, исходящий от огнешара Аны, потускнел; тени затаили дыхание.

Ана повернулась, ее сила родства была наготове.

Через двустворчатые двери ворвалась фигура: девушка с растрепанными волосами и широко раскрытыми глазами, в темном плаще, изнанка которого вспыхивала красным.

Сеин нахмурился.

– Есения.

Значит, еще один Красный плащ, подумала Ана, наблюдая, как девушка остановилась в дюжине шагов от них.

– Сеин, – выдохнула она. – Здесь имперская инквизиция.

Холодок пробежал по спине Аны. Она покинула много разоренных деревень с тех пор, как начала скрываться; имперская инквизиция не должна была прибыть так быстро.

– Разверните подразделения, – сказал Сеин. – Мы заляжем на дно, продолжим разведку.

Тон Сеина был резким, повелительным, и в этот момент Ана поняла, почему Юрий выбрал его заместителем командующего Красными плащами. Она не принимала его методы, но не могло возникнуть никаких сомнений, что Сеин был хорошим лидером.

Лидером, который стал разрабатывать план, основываясь на отчетливом представлении о том, что делает Морганья.

Ана наблюдала за ним, и в ее голове начал вырисовываться план. До сих пор она была сосредоточена на том, чтобы выживать, ускользая от войск Морганьи. Но она не могла сражаться с врагом, не зная его.

Если она поговорит с Юрием, если попытается убедить его, что способна выступить против Морганьи... Ей нужен был конкретный план.

И, как бы сказал Рамсон, все начинается с изучения местности. *Разведка.*

Сеин повернулся к ней и посмотрел на нее своими черными, непроницаемыми глазами.

– Возможно, наши пути снова пересекутся, – сказал он. – Но сейчас мне больше нечего сказать девушке, которая думает, что эта война – всего лишь игра королей и королев.

Не говоря больше ни слова, заместитель командующего Красными плащами прошел мимо, как будто Ана была одной из разбитых статуй богов. Она смотрела, как очертания его и Есени растворялись, пока вовсе не исчезли во мраке.

Оставшись одна в темноте, Ана прислонилась к стене. Слова Сеина резали ножом ее сердце, кровоточащее страхами и неуверенностью.

«Вы просто девочка, рожденная с серебряной ложкой во рту и золотой короной на голове».

Столько времени она была сосредоточена на том, чтобы вернуть себе титул и право на правление, не задумываясь, как будет править. Она считала, что справедливости, стойкости и равенства будет достаточно, но Сеин взял каждый из принципов, которых она яростно придерживалась, и разрушил.

У нее не было ни армии, ни власти, ни союзников. Ее план – ее единственный план – полностью развалился лишь за час. Из всех ожидаемых неудач такой она даже не предполагала.

Ана заставила себя выровнять дыхание и собраться с мыслями. Если и было что-то, что она выиграла от сегодняшней встречи, так это то, что Сеин показал ей, какой следующий шаг она должна сделать.

Ей нужно понять своего врага, настолько, чтобы у нее появился план, когда она снова встретится с Юрием. Но не только это – ей требовалось увидеть, что делало ее другой, а ее кандидатуру – правильным выбором для Империи.

Она начнет прямо сейчас, с имперской инквизиции.

Существовала лишь одна проблема.

«Рамсон», – подумала Ана и на мгновение представила, как он прислонился к сломанной колонне, скрестив руки на груди и глядя на нее с ухмылкой. Они договорились встретиться в пабе «Сломанная стрела», который находился в противоположном направлении от того места, куда ей нужно было добраться.

Ана заколебалась, глядя в глубину коридора, где исчез Сеин. Остальные мысли рассеялись. Рамсон Острослов не являлся для нее – не мог являться – приоритетом. Она несла ответственность за Империю и ее народ.

Только это имело значение.

Рамсон мог подождать.

Ана повернулась и побежала за Сеином, ее шаги эхом отдавались в пустоте. Почерневшие стены, пустые подсвечники для факелов, лестница и битое стекло под ногами – все это смешалось воедино, когда в поле ее зрения появился выход из Манежа, что-то ярче и определенней, чем темнота вокруг: имперская инквизиция.

3

Улицы все еще пустовали, и в темноте среди переулков царил тишина. Однако ближе к центру Ново-Минска, над тем местом, где должна была находиться городская площадь, клубы дыма закрывали ночное небо, окрашивая его в кроваво-оранжевый цвет.

Ана сосредоточилась на нем, прислушиваясь к ритмичному хрусту снега под своими ботинками.

Еще несколько поворотов и улиц, и ее сила родства пронеслась над скоплением крови на следующей улице.

Она замедлила ход и остановилась за домом. Тяжело вздохнув, Ана выглянула из-за угла.

К ее удивлению, впереди, посреди улицы, стояла группа Белых плащей. Их накидки светились белым в свете уличного фонаря, а рукояти мечей сверкали золотом.

Перед Аной стояли четыре человека. В их доспехах предательским серым оттенком проглядывал черный камень, природный ингибитор аффинитов.

Но у одного из них имелось нечто иное. Он стоял впереди, в его позе, в наклоне подбородка и плеч чувствовалась властность. Ана нахмурилась, ее сила родства парила в ярком сиянии его крови. И тут ее осенило.

Она никогда раньше не могла полностью ухватиться за кровь имперских патрульных из-за черного камня в их доспехах. Но в облачении, которое носил этот человек, не проглядывалось и намека на него. При ближайшем рассмотрении его доспехи оказались другими – без характерного серого, сверкающего оттенка черного камня, а на грудной пластине был выбит знак отличия, который она не узнала: божекруг, разбитый на четыре квадрата, представляющих четыре божества, с короной в центре.

Новый символ Морганьи.

Пока она смотрела, мужчина повернул голову в сторону дома и поднял руки.

Раздался *треск*, и деревянная дверь сорвалась с петель. Белый плащ еще раз щелкнул пальцами, и дверь рассыпалась в опилки.

Аффинит. От осознания этого у нее сжался желудок. Она читала, как Морганья вербовала аффинитов в свою армию специально для проведения этих инквизиций. Они должны были возглавлять миссии по всей Империи, уничтожая всех, кого обвиняли в преступлениях против аффинитов, и искореняя инакомыслие против новой императрицы. Их называли инквизиторами.

Исторически сложилось, что аффиниты были отстранены от службы в имперской армии – все, кроме егерей, которые могли подчинить себе других аффинитов. Имперским патрулям было поручено охранять земли и подавлять стычки между аффинитами и не-аффинитами.

После пары недель правления Морганья отменила основной закон Кирилийской империи и, как оказалось, без особого сопротивления со стороны Имперского совета.

Перед домом поднимались в воздух опилки, скручиваясь в нити и сплетаясь в веревки. Они двигались, словно змеи. По резкому жесту инквизитора веревки ворвались в дом.

Изнутри донеслись крики и несколько глухих ударов. Веревки из опилок выволокли наружу мужчину, затянувшись вокруг его запястий.

Инквизитор взмахнул рукой, и мужчину поставили на колени. Он взмолился.

– Пожалуйста, месиры, я всего лишь сапожник... Я не сделал ничего плохого...

– Покажите документы, удостоверяющие вашу личность, – приказал инквизитор. У Аны скрутило живот. Внезапно она уже находилась не в Ново-Минске, а в другом городе, на другой рыночной площади, и стражники из отряда Белых плащей, в своих сверкающих в алых закатных лучах облачениях, смотрели на нее сверху вниз. «Трудовой договор или документы, удостоверяющие личность».

– Я... Я могу сходить за ними, если вы позволите, – взмолился сапожник. – Они внутри, просто не на руках...

– По императорскому указу Ее Величества любой, кого поймают без документов, удостоверяющих личность, должен быть доставлен для дальнейшего расследования. – Инквизитор сделал паузу, и даже отсюда Ана могла разглядеть, как белая полоска улыбки раздвигает его губы. – Кроме того... до нас дошла информация, что вы, возможно, скрываете несогласных с режимом. – Он обернулся к стражникам позади себя. – Общайте дом.

Вот в чем заключалась истинная цель их визита. Ана в ужасе смотрела, как стражники врываются в дом. Послышались приглушенные крики, и мгновение спустя вышла группа людей с нацеленными в их спины мечами.

Улыбка инквизитора стала шире.

– Укрываем беглецов, не так ли? – Взгляд Аны остановился на маленькой девочке ростом едва ли выше пояса стражника. Ее трясло.

– Пожалуйста, месир, – взмолился сапожник. – Произошло недоразумение. Никто из нас никогда не торговал аффинитами – мы просто боялись...

– Вы знаете, что сопротивление имперской инквизиции противозаконно? – голос инквизитора был наполнен силой, выдавая в нем человека, который обладал властью.

– Пожалуйста, месир...

– В случае отсутствия документов и силы родства у нас нет достаточных доказательств того, что кто-либо из вас не участвовал в торговле и угнетении аффинитов, – продолжил инквизитор, повысив голос. – Следовательно, мы помещаем вас под арест за нарушение императорского указа Ее Величества о равенстве аффинитов.

Ана стиснула кулаки. Ничего из этого не способствовало равенству. Все это являлось лишь ненадлежащим исполнением закона и злоупотреблением властью. Морганья использовала свои силы, чтобы пресечь неповиновение, издавая новые деспотичные законы. Она укрепляла свою силу, подавляя любую возможную форму сопротивления прежде, чем она зарождалась.

Ана не могла просто стоять и смотреть.

– Папа, – закричала девочка, когда Белые плащи начали утаскивать сапожника. Она хотела броситься за ним. – Папа...

Один из стражников повернулся и ударил ее наотмашь по лицу.

Звон пощечины эхом разнесся по улицам. Девочка упала на землю, а изо рта у нее хлынула кровь. Перед глазами Аны вспыхнул красный цвет. Она снова стояла на пыльной площади в Кирове и смотрела, как Белый плащ направил стрелу в сторону Мэй. Тогда она была не в силах остановить его.

Не успела она опомниться, как вышла из своего укрытия и уверенно направилась к группе людей, к девочке, стоявшей на коленях в снегу у ног мужчины.

Белый плащ поднял голову, и его пристальный взгляд замер на ней. Тогда она почувствовала это – легкий намек на холодное и твердое прикосновение к ее силе родства.

Егерь.

Ей довелось столкнуться с одним из них раньше: аффинит, обладающий способностью контролировать других аффинитов. Тогда он погасил ее силу родства с такой легкостью, словно задул свечу.

Она извлекла из этого урок.

Ана нырнула своей силой родства в его силу прежде, чем он смог как следует вцепиться в нее. Без защиты черного камня в доспехах она легко ухватила за его кровь, подняла его в воздух и швырнула вперед со всей силой.

Его тело с треском ударилось о кирпичную стену дома.

Остальные замедлили шаг и остановились. На мгновение они уставились туда, где лежал егерь. В расплывающейся под ним луже крови отражались уличные фонари.

Но затем их внимание переключилось на Ану.

Оставив сапожника стоять в снегу, инквизитор схватил сплетенные из опилок веревки и бросился к ней – те со свистом крутились в воздухе...

Но вдруг рассыпались на снегу.

Инквизитор согнулся пополам и упал на колени. Кровь стекала по его подбородку, капала из носа и рта. Ана стиснула зубы. Еще один резкий поворот ее силы, и мужчина рухнул.

Она обратила свою силу родства на двух оставшихся Белых плащей и сосредоточилась на местах, где их тела не были защищены броней из черного камня. Одним взмахом ее силы они рухнули на землю, а из-под них потекла теплая липкая кровь.

Мир застыл.

На нее нахлынула усталость. Свет то появлялся, то исчезал, когда она присела на корточки и зажмурилась.

Кто-то дернул ее за плащ.

Сдерживая рвотный позыв, Ана открыла глаза.

На мгновение, как в тумане, она увидела ту, кого увидеть было невозможно. Девочка с глазами теплой морской синевы.

В поле ее зрения появилось лицо: водянистые зеленые глаза и рассыпанные золотые локоны. Это была дочь сапожника. Когда их глаза встретились, заметила, что девочка шокированно смотрит на нее, и вспомнила, как неестественно краснели ее глаза, когда она пользовалась силой родства.

Ана отпрянула, инстинктивно опустив голову, и схватилась за капюшон, чтобы закрыть лицо. Она отчетливо ощущала, как набухли на руках под перчатками вены – признак использования ей силой родства.

Но из темноты донесся шепот.

– Спасибо.

Ана медленно подняла глаза. На одно мгновение, на один стук сердца они взглянули друг на друга, во взгляде девочки читалась неуверенность, но вместе с ней и непоколебимость.

– Доротя! – Сапожник с трудом поднялся на ноги. Группа горожан наблюдала за происходящим, и их лица искажал ужас, когда они осматривали сцену перед ними.

Девочка встрепенулась и побежала к отцу. Когда сапожник заключил ее в объятия, он бросил на Ану испуганный взгляд. Несколько мгновений они смотрели друг на друга с противоположных сторон улицы.

А затем, к удивлению Аны, он неуверенно поднял руку и опустил голову, после чего быстро повернулся и, приобняв ребенка, зашагал прочь. Остальные последовали его примеру, некоторые, кивнув Ане. И один за другим, они ускользнули в ночь.

Ана осталась на месте, стоя на коленях в снегу. Теперь она чувствовала боль в руках и пальцах, ощущала, как набухли под кожей вены. Ее сила родства все еще была горячей от крови четырех отнятых ею жизней, кругом остывали тела.

Всего луну назад она, возможно, отступила бы и ничего не сделала. Ана снова услышала, как девочка прошептала «спасибо»; увидела, как ее отец кивнул в знак благодарности.

Они были ее людьми. И вместо того, чтобы содрогнуться от отвращения и страха при виде нее, они благодарили ее за спасение.

Искра надежды вспыхнула в ее сердце, превратившись в решимость. Ее люди показали ей, что нуждаются в ней. Что она совершенно не похожа на Морганью и не такое чудовище, каким ее представлял Сеин.

Она с трудом поднялась на ноги. Перестала опираться рукой о стену и подняла подбородок. Посмотрела на залитые кровью улицы и мерцающее оранжевое свечение, отражающееся в облаках, словно пламя, вырвавшееся из глубин ада.

Красный цвет снова просочился в ее глаза. Вены на руках вздулись.

Ана была Анастасией Михайловой, кровяной аффиниткой и законной императрицей Кирилии.

И она будет сражаться за свой народ.

4

Рамсон лежал, растянувшись на койке, в одной из комнат «Сломанной стрелы». Сквозь треснувшее окно просачивался лунный свет, но он предпочитал оставаться в тени.

Уже близилась полночь, прошел час с тех пор, как они с Аной должны были здесь встретиться. Даже когда он подбросил серебряник к потолку, наблюдая, как тот бледно сверкает, он не мог сдержать легкую панику.

Где она?

Он так привык к ее присутствию, что ее исчезновение начинало вызывать беспокойство. Путешествуя вместе с ней, он коротал дни в препираниях, наслаждаясь моментами, когда его комментарии вызвали ее свирепый взгляд или раздраженное рычание.

Но были ночи, когда он любезно уступал ей кровать, и она принимала это как должное. Рамсон не возражал. Он наблюдал за ней, лежа на полу, рассматривая изящный изгиб шеи, мягкое трепетание ресниц, строгий изгиб рта, не смягчающийся даже когда она спала.

Он встряхнул головой, чтобы отогнать мысли. Серебряные часы у него на груди отсчитывали минуты. Прошло слишком много времени.

Только Рамсон встал, как шум заставил его замереть. Звук был невесомым, таким тихим, что его можно было принять за скрип стен старой гостиницы под порывами блуждавшего снаружи ветра.

Но чувства Рамсона обострились. Он подошел к двери и прижался к ней, лунный свет прорезал лишь кончик его ботинок. Медленно, чтобы не издать ни звука, он вытащил свой мизерикорд.

Снова приглушенный звук шагов, и на этот раз громкий скрип донесся с лестничной площадки второго этажа. Рамсон выбрал эту комнату именно по той причине, что мог услышать любого незваного гостя, направлявшегося сюда.

В замочной скважине едва слышно заскрежетала булавка, а затем с шелчком повернулась ручка.

Дверь открылась, и внутрь ворвались двое мужчин в толстых мехах и темных ватниках, прошитых заплатками. Их движения были неуклюжими, и одного взгляда на их лица и руки хватило, чтобы отметить отсутствие признаков, указывающих на связь с подпольной бандой.

Видимо, это были простые негодяи, рыскавшие по Дамбе в поисках добычи. И теперь они нашли золотую жилу.

Рамсон прочистил горло.

– Не меня ищете? – спросил он и, когда они повернулись к нему, набросился на них.

Он шелкнул серебряником, с которым до этого играл, и тот полетел, словно снаряд, попав одному из мужчин прямо в глаз. Когда мужчина отшатнулся, прижимая руку к лицу и завывая от боли, второй прыгнул вперед.

Рамсон легко увернулся, когда меч его противника обрисовал дугу и прорезал воздух на волосок от его носа. Он повернулся и выдохнул.

– Нос – лучшая часть моего лица, – сказал он. – И мне не нравятся твои попытки его отрубить.

Мужчина зарычал и бросился на него, но Рамсон уже все понял. Эти мерзавцы дрались по-уличному: грязно, без какой-либо техники. Рамсон тоже дрался грязно, но был хорошо обучен.

Он с легкостью подрезал удар негодяя. К тому времени, когда мужчина вернул равновесие, было уже слишком поздно.

Лезвие Рамсона пронзило его горло.

– Теперь ты видишь, почему его называют мизерикордом, – пробормотал он, отпихивая тело мужчины в сторону.

Позади послышались шаркающие шаги. Рамсон пригнулся как раз в тот момент, когда другой нападавший нанес удар. Его меч с глухим стуком полетел на пол, вонзившись в дерево.

– А, а, а, – Рамсон прищелкнул языком. – Растяпа. Я за милую могу услышать твои шаги.

В мгновение ока его меч оказался у шеи противника, впившись в мягкую плоть мужчины.

– Скажи мне, на кого ты работаешь, – прорычал Рамсон. – Как ты меня нашел?

Мужчина сопротивлялся – они все поначалу сопротивлялись, – но Рамсон усилил удушную хватку, перекрыв мужчине доступ воздуха. Его пальцы согрели капли крови.

– Каждый раз, когда ты заставляешь меня спрашивать, я перерезаю твою глотку глубже, – напевал Рамсон. – А теперь позволь мне спросить еще раз...

– Мы... по найму, – выдохнул тот. – Увидели... приказ Керлана... убить...

Рамсон зарычал. Олуже нужно стараться лучше, если она хочет защитить его жизнь и, следовательно, жизнь ее драгоценного глупого мужа.

В то же время эти зверюги были настолько любителями, что Рамсон мог представить, как она закатывает глаза, смотря на них. «Я оставляю на тебя мелкую рыбешку, – сказала она. – На себя беру крупную рыбу».

По крайней мере, она дала точную информацию.

– П-пожалуйста, – задыхался наемник. – Тяжелые... времена...

– Я понимаю, – сказал Рамсон и перерезал мужчине горло.

На пол рухнуло второе тело. В обычной ситуации он, возможно, и задумался бы, чтобы оставить этих людей в живых, но его мысли были сосредоточены на одном.

Ана.

Место их встречи явно раскрыли, и Рамсон даже не хотел думать, что произойдет, если какие-нибудь наемники или члены Ордена, задержавшиеся в Дамбе, доберутся до нее первыми. Черт, выругался он про себя, ему следовало сначала подумать об этом, прежде чем выбирать гостиницу в центре самого опасного района Ново-Минска. Он думал, что с падением Керлана рухнуло и все криминальное подполье Кирилии.

Оказалось, это совсем не так.

Его сердце отбивало барабанную дробь, он вытер мизерикорд о рубашку одного из мертвецов и вложил его в ножны. Ему нужно было найти ее... ему нужно было добраться до нее первым.

Он не мог вынести мысли, что с ней что-то случится.

Рамсон накинул на себя плащ и, аккуратно переступив через два тела, направился к лестнице. Дверь за ним так и осталась открытой.

5

За то время, что ей потребовалось, чтобы пересечь город, Ново-Минск загорелся, словно горка углей. Свет факелов окрасил извилистые улицы в красный цвет, а затянутое облаками небо приобрело оттенки малинового и кораллового. На улицах собрались люди, некоторые из них еще не пробудились окончательно ото сна, а некоторые были напуганы. Они плелись куда-то, держа в руках бумаги.

Почти по каждой улице ходили Белые плащи, колотили в двери, выкрикивая приказы горожанам и направляя их на площадь. Большинство из них носили кольчуги, усиленные черным камнем, что делало их тела недосыгаемыми для силы родства Аны.

Тем не менее некоторые были облачены в новые доспехи со сверкающими на груди знаками отличия Морганьи. Ана сосредоточилась на них, наблюдая, как один расплавил дверь одним движением руки, в то время как другой одним касанием пальца разрушил каменную стену дома. Инквизиторы были своего рода приправой среди Белых плащей, которые не являлись аффинитами, но их присутствие в сочетании с неограниченной властью и желанием насилия давало ужасающий эффект.

По мере приближения к центру города толпа становилась гуще. Смерд дыма и страха плотно висел в воздухе. На фоне ночи пылающие факелы изрезали дома своим кровавым цветом.

Ана повернулась, и перед ней оказалась городская площадь Ново-Минска.

Казалось, собрался весь город. От факелов, воткнутых в землю, площадь утопала в багрянце и тенях. И в самом центре всего этого были установлены деревянные подмости, освещенные светом окружающих их факелов. На мощенной булыжником площади имперские патрули, чьи белые плащи пламя окрасило в красный цвет, образовали кольцо вокруг подмостков. Примерно половина из них была одета в светло-серую форму инквизиторов.

Над ними, на возвышении, развевался серебристо-голубой флаг Кирилии, на котором теперь был изображен герб Морганьи. И там же, прикованная цепью к столбу, дрожа в ночных рубашках, стояла группа горожан.

Эта картина прорезалась сквозь туман усталости, наполнявший голову Аны, ярко и резко.

Тишина накрыла площадь, когда Белый плащ прошел к центру платформы. Новые знаки отличия короны и божекруг на его нагрудной пластине означали, что он инквизитор. Когда он развернул свиток и начал говорить, пленники, привязанные к столбу позади него, задрожали.

– Граждане Кирилии, мы собрались здесь сегодня по указу Кольст императрицы Морганьи, нашей славной императрицы, чтобы вершить правосудие на земле и исполнить волю богов.

Пепел гнева Аны взметнулся глубоко внутри.

– Эти заключенные, собравшиеся сегодня перед вами, были обвинены в отвратительных преступлениях против империи и ее славной императрицы, – продолжил инквизитор, и, пока он говорил, на сцене произошло движение.

Двое Белых плащей поволокли на эшафот женщину, одетую в шелковую ночную рубашку с разорванным рукавом, ее волосы растрепались и торчали в разные стороны. Она плакала и прижимала к груди сверток.

Один из Белых плащей толкнул ее на землю. Женщина вскрикнула, а ее тело сжалось вокруг маленького свертка. Она пыталась защитить его.

Из-под слоев ткани донесся тонкий, пронзительный плач.

«Ребенок», – подумала Ана. От ужаса у нее закружилась голова. Ничего из того, что она видела сегодня ночью, не указывало на справедливость, как ее понимали в Кирилии: суд, разбирательство и доказательство вины.

Нет, это была неудержимая жестокость, одобренная монархом, который теперь играл роль судьи, присяжных и палача.

– Все те, кто противостоят нашей славной императрице, противостоят добродетели богов и законной справедливости и должны быть наказаны. – Инквизитор поднял голову, его глаза горели лихорадочным блеском. – Мы очистим эту империю от нечестивых существ и преступников. Под самый корень! – его голос перешел в крик.

По венам Аны пробежал мороз. Она видела, что делали Белые плащи, используя в качестве оправдания своим действиям такие принципы, как добродетель, установленная богами, и справедливость закона. Морганья использовала имперскую инквизицию, пытаясь укрепить свое правление и распространить идею, что ее воля представляет волю богов.

В Кирилии императоры просили благословения богов перед коронацией. Но никто никогда не осмеливался приравнивать свои действия к их воле.

Голос Сеина снова шептал ей: «Люди слишком долго страдали при правлении великодушного правителя».

Ее ладони вспотели. Один из Белых плащей присел на корточки и потащил женщину за волосы. Другой обхватил крошечный сверток руками, облаченными в серебряные перчатки.

– Нет! – резкий крик матери прорезал тишину. Она рванулась назад, прикрывая ребенка своим телом. Ее мольбы эхом разнеслись по площади. – Пожалуйста, месир, умоляю вас, мой ребенок невиновен... Мы оба ни в чем не повинны...

– Вы станете отрицать, что содержали в своем доме наемных аффинитов? – прорычал инквизитор.

– Нанятых, месир, мы давали им зарплату, еду и кров...

– По преступному контракту! – выкрикнул инквизитор, вытаскивая меч. Он рассек воздух мечом, в свете факелов блеснув красной вспышкой. – Вы и ваша семья приговорены к смертной казни за эти преступления.

– Только не мой ребенок, месир, пожалуйста... Пощадите моего ребенка...

Белый плащ начал вырывать сверток у нее из рук, но женщина вцепилась в него. Другой Белый плащ схватил ее за ноги, разорвав на ней платье. Из свертка донесся тонкий пронзительный плач, пробивающийся сквозь треск факелов и шум.

Все случилось слишком быстро.

Белый плащ еще раз дернул и ударил сапогом в живот женщины. Она поскользнулась.

Звук ее падения разнесся по площади, словно удар хлыста. Багряная кровь сочилась по платформе, извиваясь змеей через силу родства Аны. Тело женщины лежало неподвижно.

По безмолвной площади пронесся плач ребенка, когда Белый плащ уносил его прочь.

Ана закрыла глаза. Ее мысли превратились в осколки, разбитые кровью мертвой матери и криками ребенка.

Она пришла сюда раздобыть информацию о новом режиме Морганьи, и ради чего? Чтобы она смогла составить долгосрочный план, медленно набраться сил, чтобы затем уничтожить врага? Но разве конечной целью всего этого не было создание лучшего мира? Такого, который обеспечивал бы безопасность его людей?

Какая же она правительница, если просто стояла здесь, позволяя своим людям умирать у нее на глазах? Возможно, у нее еще не было ответов на все вопросы, но был принцип, которого она всегда яростно придерживалась – использовать свою силу, чтобы сражаться и защищать невинных и незащищенных.

«Сила родства не определяет, кто ты есть, – однажды сказал ей брат Лука. – Что делает тебя тобой – это то, как ты выбираешь ее использовать».

Глаза Аны открылись. Ее сила родства расцвела, а зрение затуманилось красным цветом.

Сначала она нацелилась на инквизиторов. Кто бы ни разработал их доспехи, он забыл: пусть удаление черного камня и дало этим аффинитам способность использовать свои силы, но

это также сделало их уязвимыми для врагов, чья сила родства была связана с самим строением их тел.

Ана зацепилась силой родства за яркий, теплый пульс крови и потянула.

Раздались тревожные крики Белых плащей, когда в них врезались их же товарищи, и в этот момент, когда их внимание рассеялось, Ана пронеслась мимо них.

Одним прыжком она оказалась на эшафоте.

Вопль главного инквизитора оборвался, когда Ана схватила его своей силой родства и подняла в воздух. Мир объяли пламя и кровь, а воздух дрожал от жара. Ее волосы были распущены, и, когда она повернулась к имперскому патрулю, ее длинный красный плащ взметнуло внезапным порывом ветра.

Крики смятения смешались со вздохами, когда толпа начала понимать, что происходит.

Капитан повис в воздухе перед Аной. Когда он присмотрелся к ней, на его лице отразился шок, за которым последовало узнавание.

Где-то в толпе раздался крик:

– Это Кровавая ведьма Сальскова!

А потом еще один:

– Это кронпринцесса! Она жива!

И третий:

– Маленькая тигрица Кирилии пришла, чтобы спасти нас!

В момент, когда она выбиралась из толпы на помост, с ее головы соскользнул капюшон. Ночной воздух, колеблющийся между теплом костра и зимним холодом, обдувал ее щеки.

Первым побуждением Аны было спрятаться. Страх, внушенный ей с детства, заморозил ее на месте, взгляды тысяч людей давили ей на грудь, так что она едва могла дышать. Разум затуманился, тошнота подкатила к горлу.

Но затем сквозь звон в ушах до нее донесся другой звук. Далекий, пронзительный шум. Что-то, что напомнило ей о дворце Сальскова, об ее отце, стоящем перед своим двором, с поднятыми руками и горящими глазами.

Это было ликование.

Сначала звук был слабым, но когда ее глаза стали блуждать по толпе, она увидела: то тут, то там люди поднимали руки и хлопали.

Люди заговорили. Ради нее.

Жар вспыхнул внутри нее, растекаясь до кончиков пальцев и растапливая лед в ее венах. Мир рухнул обратно в клубок дыма, огня и крови. В панике она отпустила инквизитора. Теперь он лежал скомканной кучей на краю сцены.

Она заметила, как приближаются другие Белые плащи, их облачения сверкали в клубах дыма.

Ана побежала к людям, привязанным к столбу, по пути подобрав брошенный меч. Она неуклюже подняла его и перерезала веревки пленников. Люди повалились вперед с криками облегчения. Некоторые из них были всего лишь детьми, самый младший едва доставал Ане до пояса.

Существовала вероятность, что родители детей были связаны с торговцами аффинитами или же подписали договор с аффинитами, заключив незаконный контракт. Но имперская инквизиция Морганьи не делала различий, и дети, едва достигшие возраста, достаточного, чтобы представлять, что такое контракт, оказались втянутыми в это кровопролитие.

Если и существовал способ восстановить равновесие в Империи, этот был очень далек от верного пути.

Ана повернулась, и ее сила родства снова вспыхнула. Пытаясь построить своих подчиненных, главный инквизитор опустился на колени. Кровь капала с его виска, окрашивая бледный металл шлема, когда он поднял взгляд на Ану.

Она не стала ждать. И набросилась своей силой родства на инквизиторов – солдат, с силами которых ей было бы труднее всего бороться, – и разорвала.

Мир вокруг потерял краски, превращаясь в темноту, усеянную жгучими, ярко горевшими пятнами.

Когда она пришла в себя, то была вся в поту. Кровь дымилась вокруг, покрывая воздух и пульсируя волнами под ее угасающей силой родства. Она подняла глаза и увидела процессию Белых плащей, приближающуюся к ней за подмостками. Они медленно продвигались вперед с поднятыми мечами, а их лица исказило выражение ужаса, свет костра отражался от легко узнаваемого черного камня в их доспехах.

Она, возможно, испытывала раньше отвращение к тому, что ей приходилось делать, но теперь ощущала только чувство необходимости. На войне, как она начинала понимать, остается убивать или быть убитой.

К этому времени радостные возгласы прекратились, сменившись криками и воплями, когда толпа поняла, что имперская инквизиция смыкает ряды вокруг них. Городская площадь была охвачена волнением, когда мирные жители начали разбегаться.

Ана попыталась сосредоточиться на Белых плащах, хватаясь за их кровь, но ее сила родства иссякла. Пот стекал по ее губам, и она почувствовала вкус соли и дыма, когда пламя от перевернутых факелов поднялось выше по платформе.

Она не выберется отсюда. Не без посторонней помощи.

В этом хаосе что-то привлекло ее внимание: отголосок ее силы родства, уловивший кровь, пронизанную тьмой.

Ана подняла взгляд.

Сеин стоял на краю площади, его черные глаза не мигая наблюдали за ней. И все же в них горели не гордость, не одобрение и не товарищество.

Это была холодная ярость.

Они смотрели друг на друга, казалось, целую вечность: он, неподвижный, как камень, в тени дома; она, залитая кровью и светом костра, покачивалась там, где стояла.

Вопреки ее желаниям, вопреки гордости, на краю ее сознания всплыла лишь одна мысль. «Помоги мне», – подумала Ана.

Сеин глядел на нее еще мгновение. А затем отвернулся, оставив ее наедине с глухим отзвуком своего голоса, и исчез в толпе.

«Монархия должна умереть, Анастасия».

Что-то просвистело в воздухе, пролетело дугой мимо стены пламени и отскочило от деревянной платформы. Ана успела увидеть лишь мельком – стеклянный пузырек, – прежде чем он взорвался.

Синий дым наполнил воздух вместе с запахом гари, который нес с собой слабый аромат ладана. Мир поглотили тени, шум и туман.

Сквозь мерцающую дымку своей силы родства Ана могла разглядеть быстрое приближение коня с всадником. В крови всадника был знакомый оттенок: яркий, резкий, окаймленный ледяной синевой и спокойствием розовой воды.

Из дыма появилась фигура, шаль и узорчатые штаны развевались на ветру.

– Ана, – сказала Шамира, свирепо глядя на нее, и направила свою лошадь к краю платформы. – Хватай меня за руку!

Любые вопросы, что могли вертеться сейчас у нее на языке, были заглушены усталостью. У Аны едва хватило сил, чтобы доковылять до нее. Шамира оказалась удивительно удивительно сильной для маленькой женщины, когда ее мозолистые пальцы сжали руку Аны. Она усадила ее в седло, и Ана обняла Всеведущую мать за талию.

Синий дым, вызванный Шамирой, смешался с горькими черными струями гари от факелов и горящих подмостков. Ана крепко прижалась к подруге, когда они рванули вперед, про-

скакав мимо людей, которые, спотыкаясь, пробирались сквозь суматоху и мрак, мимо упавших и догоравших факелов.

Постепенно свет костра отступил, превратившись в пепел, который осел у Аны на языке. Над ними сомкнулась тьма. Сцены наказаний кружились в ее голове, словно дым, вместе с осуждающим шепотом.

«Путь к становлению правителя написан кровью».

6

Всего за одну луну в доме Шамиры изменилось все и ничего. Место, когда-то оживленное цветными лампами и запахами роз и чая, теперь прятало в себе что-то тревожное. Только одна лампа мерцала в коридоре, окрашивая стены в тускло-желтый цвет. Ана тихо пошла за Шамирой, обувь они оставили у двери.

Парчовая занавеска, отделявшая гостиную от коридора, смято свисала, и, оказавшись перед ней, Ана заколебалась. Казалось, что только вчера она пришла сюда с группой аффинитов, с маленькой ношей на руках.

– Устраивайся поудобнее, дитя, – голос Шамиры был, как обычно, стальным, но сегодня в нем звучало что-то мягкое, доброе. – Я приготавливаю чай.

Ана нырнула за занавеску в гостиную. Огонь, кровь и крики имперской инквизиции все еще были свежи в ее памяти, и внезапная тишина оказалась для нее неприятной, как и домашняя обстановка. Ей казалось, что она попала в другой мир. В камине горел потрескивающий огонь, который Шамира поддерживала день и ночь, наполняя комнату мускусным теплом. Вдоль дальней стены выстроились книжные шкафы, поскрипывая под тяжестью томов, помеченных изогнутыми буквами нандийского языка. Центр комнаты занимал нандийский ковер, на котором стоял круглый дубовый стол, заваленный потрепанными, заляпанными чаем картами и дешевыми свитками из козьей кожи, исписанными изящным почерком.

Ана опустилась на один из диванов, закрыла глаза и позволила событиям ночи вихрем пронестись сквозь поток мыслей.

Патрули и их белые плащи, пропитанные багрянцем от крови своих владельцев.

Ее лицо, больше не скрывавшееся под капюшоном. Повернутое навстречу толпе, чтобы весь мир видел красноту ее глаз, видел, кем она на самом деле была.

Кем она была.

Ее размышления прервали шаги. Ана открыла глаза и увидела Шамиру, ныряющую за парчовую занавеску с подносом в руках.

– Чай, – как ни в чем не бывало сказала Всеведущая мать, усаживаясь на диван напротив Аны и наливая дымящуюся жидкость из серебряного самовара в стеклянную чашку. – Пей до дна.

Ана с благодарностью приняла чашку. Чай был темный, крепкий, со слабым привкусом кардамона и роз. До сих пор она не могла осознать, насколько сильно опустошена, но где-то в глубине еще чувствовала слабые проблески своей силы родства, едва отмечавшей присутствие Шамиры в комнате. Чай осел у нее в животе, наполнив ее теплом от носа до кончиков пальцев ног.

– Шамира, – сказала Ана, опуская кружку, – спасибо.

Шамира налила себе чашку и, тяжело вздохнув, откинулась на спинку стула, и сделала большой глоток. Шелк ее шали, сегодня сливово-фиолетового цвета, сиял в свете свечей и прекрасно сочетался с оливковой кожей. Под ее глазами темнели мешки такого же ледового цвета, какими они запомнились Ане.

– Ты собираешься спросить, откуда я узнала, что ты здесь, – сказала Шамира, опережая вопрос Аны. – Я ждала твоего возвращения, Маленькая тигрица. – Она помолчала, а затем нахмурилась. – Теперь можешь закрыть рот и стереть с лица это глупое удивление. Ты забываешь, кто я такая.

Шамира была Всеведущей матерью и практиковала нандийскую магию, которая давала ей возможность увидеть мимолетные проблески времени: прошлого, настоящего и будущего. Ее вера включала два существа единого целого: Брата и Сестру, светлое и темное, физическое и метафизическое.

Ана впервые встретила ее в прошлую луну благодаря Юрию, когда Шамира предоставила убежище Красным плащам и аффинитам, которых они спасли из Манежа Керлана.

Эта мысль вызвала у нее приступ беспокойства.

– Я виделась с Красными плащами, Шамира, – сказала Ана. – Я думала, что мне предназначено объединиться с ними, и мы вместе уничтожим Морганью. Но...

– Вы нашли расхождения в своих взглядах, – тихо сказала Шамира. – Полагаю, ты виделась с Сеином.

– Ты все еще поддерживаешь связь с Красными плащами? – спросила Ана.

– Я делаю все, что могу. Многие из них так юны, совсем еще дети. Даже их лидеры только достигли возраста, в каком был бы сегодня мой сын, – голос Шамиры стал жестким. – Но тебе лучше держаться подальше от Сеина. Этот мальчик видит только свою цель и ничего больше.

– То, что он сказал о монархии... – Ана нахмурилась, глядя в свой чай, жидкость кружилась, совсем как ее мысли. – Я не могла придумать, как ему ответить. Он думает только о различиях между нами, но мы должны помнить, что у нас общий враг.

Выражение лица Шамиры было мягким, а глаза наполнились пониманием и мудростью жизни, превосходящей то, что Ана могла себе представить.

– Маленькая тигрица, позволь мне сначала задать тебе один вопрос. – Золотистое сияние огня осветило лицо Всеведущей матери. – Чем ты согласна пожертвовать ради Империи? Ради своего народа?

Что-то привлекло внимание Аны к окну. В темноте она едва могла разглядеть ряд серебристых зимних колокольчиков, под которыми в мягкой земле лежал кто-то очень дорогой для нее. Ребенок с глазами цвета океана. Эти воспоминания все еще резали ей по сердцу, рана ее до сих пор не зажила, но день ото дня становилось лучше.

Ана сглотнула и шепотом произнесла ответ:

– Всем.

В глазах Шамиры затаилась печаль.

– Полагаю, об этом ты не узнаешь, пока не настанет время, – пробормотала она. – Тебе дорого обойдется желание защитить эту империю. Нужно будет выбрать одну из двух дорог, потому что сейчас есть две Анастасии, любовь моя: девушка, которой ты когда-то была, и правительница, которой ты станешь. Настанет день, когда во благо Империи тебя попросят пожертвовать тем, что тебе дороже всего. Вот какой выбор тебе предстоит сделать, какой Анастасией быть.

Слова крутились у нее в голове, но, словно дым, она не могла уловить их смысл. Как она могла отделить правительницу, которой ей предстояло стать, от девушки, которой она была сейчас? Обе были неотъемлемой частью того, кем она являлась, одно перетекало в другое.

– Я всегда буду выбирать то, что лучше для Кирилии, – ответила Ана. – Я была там, во время имперской инквизиции, Шамира. Видела, что Морганья делает с Империей. Я выступила против бесчинства, что совершают Белые плащи, и слышала, как мои люди кричат, поддерживая меня. Они поддерживают меня.

Шамира внимательно наблюдала за ней. Она сделала еще один глоток чая.

– Тогда почему мне все еще кажется, что ты пытаешься найти свой путь, Маленькая тигрица?

– Я просто... – Ана схватилась за чашку, думая о Сеине, о своем троне, о том, как он всего несколькими словами изменил весь ее мир. – Мне нужно поговорить с Юрием. У нас есть разногласия, но нам нужно работать вместе, чтобы сначала свергнуть Морганью. – Она глубоко вздохнула и встретила взглядом со Всеведущей матерью. – Мне нужно знать, верен ли этот путь, Шамира.

Шамира перемешала свой чай и сделала еще один большой глоток, прежде чем поставить чашку на блюдце. Она подняла на Ану пронизывающий взгляд.

– Ты помнишь, что я говорила о своей способности видеть будущее, – сказала она. – Что оно равносильно погружению пальца в стремительную реку времени. Будущее постоянно меняется в зависимости от принятых тобой решений и решений других людей, которые неизбежно меняют ход твоей жизни. Я могу уловить только проблески определенных событий на определенных дорогах. – Она откинула голову назад, ее взгляд стал отстраненным. – На твоём пути, Маленькая тигрица, я вижу океан.

Ана подняла глаза.

– Океан? – Это был не тот ответ, который она ожидала услышать, будучи в запутанной паутине союзников и врагов, монархов и революций. – Что ты имеешь в виду?

– Видения, которые Сестра позволяет мне узреть, не всегда имеют один смысл, – сказала Шамира. – Но за всем этим должна стоять веская причина. Океан представляет собой направление, в котором ты должна двигаться во всех аспектах своего пути. Подумай, Маленькая тигрица. Что это может значить?

На ее пути было много аспектов, которые могли быть связаны с океаном, задумалась Ана. Океан принес ей Мэй, в некотором смысле он принес ей Линн, которую Рамсон все еще пытался выследить с помощью своего снежного ястреба.

Рамсон. Так же, как и океан, его невозможно было ни обуздать, ни контролировать. В его душе царила дикая свобода.

Вздвигнув, она вспомнила, что должна была встретиться с ним в «Сломанной стреле» – и что она опоздала примерно на два часа. «Он подождет», – подумала Ана строже, чем требовалось, решив выбросить его из головы и сосредоточиться на текущей задаче.

Океан. Было что-то еще.

– Порт Голдвотер, – тихо сказала Ана. – Вот куда я направлялась. – Она сделала паузу и смягчила тон. – Туда, где находится Юрий.

Шамира наблюдала за ней из-под тяжелых век.

– Вам двоим предстоит еще многое обсудить. Будущее Империи в ваших руках.

В мысли Аны закралась тень сомнения.

– Сеин не назначил места для переговоров во время нашего разговора, – тихо сказала она. – Я не знаю, что буду делать, если не смогу убедить Юрия.

В свете костра Шамира внезапно показалась усталой, а черты ее лица – более заостренными.

– Сеин хочет революции, а ты хочешь трон. Все, чего хочу я, – прожить в мире, который останется после всего этого, прожить с моим сыном, без войны, кровопролития или боли. Не просыпаясь посреди ночи, не называя его имени, чтобы обнаружить, что его нет. – Она на мгновение закрыла глаза, а когда снова открыла их, в них заблестели непролитые слезы. – Я знаю, что ты поймешь в своем сердце, что лучше для твоего народа. Чего хотят они, чего хотим мы.

Ана смотрела на Шамиру, наслаждаясь видом этой необыкновенной женщины, которая пересекла горы Дживеха и выжила в северной тайге, и все это, чтобы найти своего сына. Она сражалась бок о бок с Аной и с Красными плащами, и все же обычным людям было наплевать на борьбу за власть королей и королев. Когда монархи играли в войну, страдал народ. И рано или поздно, подумала Ана, пристально глядя на Шамиру со страхом, именно те, кого она любила, заплатят эту цену.

Внезапно она встала.

– Тебе не следовало этого делать, – тихо сказала она. – Ты не должна была спасать меня, не должна была приводить меня сюда... Что, если в следующий раз они придут за тобой?

Шамира вздернула подбородок.

– Пусть попробуют.

Ана на мгновение закрыла глаза. И снова кто-то спас ей жизнь, предложил еду и кров, и снова она задолжала и не могла оплатить этот долг крови.

Ана встала и опустилась на колени рядом с Шамирой. Она взяла женщину за руку, покрывшуюся от времени мозолями и морщинами и нежно поцеловала ее.

– Мне нельзя долго задерживаться здесь, – сказала она. – Если Белые плащи охотятся за мной и выследят здесь, тебе будет грозить опасность. – Она колебалась. – Но если позволишь, я хотела бы поздороваться со старой подругой.

На лице Шамиры расцвела нежная улыбка.

– Она в саду за домом, где растут цветы.

– Я сейчас вернусь, – сказала Ана и направилась в сад Шамиры.

Холодный воздух наполнил ее легкие ароматом снега и хвойных деревьев. Здесь, в саду у Шамиры за домом, лежал нетронутый снег, накрывший спящую землю белым покрывалом. Чуть дальше в ночном небе виднелись высокие зубчатые очертания северной тайги.

Лоза с колокольчиками находилась чуть в стороне от дома, и от этого зрелища у Аны перехватило дыхание: ветви, бледные и совершенно нагие даже после самых сильных снегопадов, и маленькие зимние колокольчики, которые цеплялись за них, белые и прекрасные, облитые лунным светом так, что, казалось, они светились в ночи.

Ана опустилась на колени перед лозой, положив руку на нетронутый снег. Лоза выгибалась над ней дугой, обвешанная зимними колокольчиками, их мягкие листья и бархатные лепестки окружили ее. На короткое мгновение она позволила себе поверить, что магия создала этот сад из лоз и цветов, которые выросли, питаемые духом маленькой девочки.

– Привет, Мэй, – прошептала она.

Поднялся легкий ветерок, и колокольчики вокруг нее будто зашевелились, принеся с собой мягкий запах снега.

Когда она возвращалась сюда, думала Ана, прижавшись головой к лозе и закрыв глаза, она всегда находила себя и свою цель.

Мэй умерла, чтобы освободить десятки других аффинитов. Ей было всего десять лет, и она провела большую часть жизни, работая на своего работодателя, чтобы погасить долг, накопленный ею по контракту, который она даже не могла прочесть, когда подписывала.

«Пообещай мне, Ана, – шептала она, когда ее глаза-океаны замерли, – что ты поможешь».

Ана опустила голову. В глубине души она знала, что именно это всегда было причиной, почему она выбрала борьбу. Именно это она имела в виду, когда сказала Шамире, что пожертвует всем, чтобы защитить свою империю, защитить свой народ, защитить самых незащищенных из граждан.

Она боролась, чтобы в этой империи, которая доверяла ей, наследнице в длинном ряду монархов, следивших за благополучием народа, не эксплуатировался больше ни один аффинит. Она боролась, чтобы когда-нибудь где-нибудь другая девочка могла бы сесть на укутанную снегом землю и голыми руками оживить цветок.

Но ничего не получится, если не будет мира, который она собиралась восстановить.

Ана глубоко вздохнула и коснулась рукой земли.

– Дождись меня, – пробормотала она. – Я дала тебе обещание и собираюсь довести все до конца. – Она сделала паузу, и ее дыхание затуманилось от холода, когда она добавила: – Чего бы это ни стоило.

Когда она вернулась в гостиную, Шамира стояла у открытого окна. Ветер дул холодный и острый, словно нож, огонь в камине замерцал, когда Всеведущая мать повернулась к Ане. Она что-то держала в руках. Снежный ястреб на подоконнике расправил крылья и улетел в ночь.

– Маленькая тигрица, – прошептала она и протянула свиток.

Ана развернула мягкий и влажный от снега пергамент. И замерла в изумлении.

Это оказалось ее изображение во время событий, которые были еще свежи в ее памяти.

Художник нарисовал ее в тот момент, когда она ступила на деревянные подмости в Ново-Минске и захватила имперский патруль своей силой родства. Ее лицо искажала ярость, глаза покраснели, алый плащ развевался позади нее великолепной дугой. На заднем плане бушевал пожар.

«Восхождение Алой тигрицы», – торжественно ревел украшенный золотом заголовок. «Кронпринцесса жива. Восстание начинается».

Ана подняла глаза.

– Кто это сделал?

Глаза Шамиры заблестели.

– Люди, Ана, – сказала она. – Твои люди.

Ана закрыла глаза и прижала плакат к груди, позволяя себе утонуть в этом моменте.

Она сражалась за свой народ.

И теперь ее люди сплотились вокруг нее.

Сеин пытался убедить ее, что люди нуждались не в ней, но здесь, зажатое между ее пальцами, было доказательство того, что они поддерживали ее.

Она поедет в порт Голдвотер. Она поговорит с Юрием, покажет ему этот плакат, расскажет, как люди поддерживали ее. Как они будут следовать за ней. И она уверила бы его, что их цели одинаковы – что конечная цель Аны была связана с обещанием, которое она дала девочке, своей подруге. «Чтобы всем помочь».

– Я еду в порт Голдвотер, – сказала она и обхватила руку Шамиры. – От всего сердца, Шамира, спасибо тебе. Не думай, что я забыла всю ту помощь, которую ты мне оказала. Я обязана тебе жизнью и отплачу тебе жизнью. Когда вернусь, когда стану императрицей, обещаю тебе, что найду твоего сына.

Шамира сжала ее руки.

– Запомни мои слова. Прежде всего помни, кто ты есть. Кем ты должна быть для людей. – Ее взгляд стал твердым, как сталь. – Возьми валькрифа, дитя мое. Зверь полдня топчется у меня в конюшне, такая старая дама, как я, едва ли может его развлечь. В том месте, куда ты направляешься, он понадобится тебе больше.

Ана застегнула плащ и закинула рюкзак за плечи. В нем было все, что у нее осталось в этом мире: два медника, несколько огнестрелов, карта, мешочек с монетами и компас. Это и серебряный божекруг, который она носила на шее, чтобы помнить обещание старого друга. Юрий обещал, что они еще встретятся.

– Замети следы, ведущие к дому, – сказала она Шамире. – Как только я вернусь в город, попадусь на глаза Белым плащам, чтобы им не пришлось в голову искать меня здесь. Если они будут охотиться за мной там, ты будешь в безопасности.

Шамира махнула рукой.

– Ты меня недооцениваешь. Я могу о себе позаботиться.

Невольно Ана почувствовала, как на ее губах заиграла улыбка.

– О, я не сомневаюсь, – сказала она, поворачиваясь, чтобы открыть входную дверь. В комнату ворвался ночной воздух, резко отдававший холодом и дымом.

Ана глубоко вдохнула.

Сначала ей нужно найти Рамсона и принести извинения за то, что так сильно опоздала. Она тяжело вздохнула, потому что уже могла представить его самодовольный взгляд и кривую усмешку, которой он одарит ее.

Они вместе отправятся в порт Голдвотер, найдут большой корабль, который доставит их в Брегон.

Позади она услышала, как Шамира тихо сказала:

– Благословят тебя боги, Алая тигрица.

Ана натянула капюшон и шагнула в темноту.

7

Ранним утром Ново-Минск оказался лежащим в руинах и темноте. Снег испещрен пеплом, в воздухе витал запах дыма и войны. Ана держала свою силу родства наготове, торопя валькрифа по пустынным улицам и держась переулков, где их шаги заглушались снегом. Поднялся порывистый ветер, свистевший в треснувших дверных проемах и тащивший за собой стекла разбитых окон.

Раз или два Ана видела вспышку далекого факела и ощутила подергивание своей силы родства.

«Сломанная стрела» находилась в нескольких улицах от окраины города, недалеко от Дамбы, района, когда-то известного преступной деятельностью. Вокруг все было тихо и неподвижно, а маленькую речку, протекавшую здесь, покрывал толстый слой льда.

Ана завернула за угол и остановилась перед зданием с выбитыми окнами. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы разобрать название на деревянной вывеске, медленно поскрипывающей на ветру, а еще древко стрелы, торчащее с одной стороны вывески, и наконец, торчащий с другой, под причудливыми углами.

«Сломанная стрела».

Она с отвращением сморщила нос. Она ожидала, что в Ново-Минске Рамсон устроится иначе, чуть лучше. Как он любил хвастаться, это был город, который он держал в своих руках. Конечно, ей не следовало доверять его словам.

Она оставила своего валькрифа в пустой конюшне и вошла в гостиницу. Гостиная оказалась пуста и разграблена, так что все, что осталось, – несколько перевернутых стульев и столов. Над головой на цепочке болталась разбитая люстра, тени от нее, как скрюченные пальцы, тянулись по гостиной.

– Рамсон, – тихо позвала она. Когда ответа не последовало, она призвала свою силу родства, появившуюся медленно, неохотно, словно воспоминание или призрак сон. Она израсходовала слишком много сил прошлой ночью, так что теперь от них мало что осталось. Сстиснув зубы, Ана один раз обвела силой вокруг.

В ее сознании вспыхнула кровь, вверх по лестнице, за стеной. Там было холодно и тихо, и она могла различить две отчетливые лужи.

Ее сердце забилось быстрее. Если бы что-нибудь случилось с Рамсоном...

Ана взбежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Дверь в первую комнату была открыта. Лунный свет лился через приоткрытое окно, освещая два тела на полу.

Она подбежала к ним, заглядывая им в лица, а затем вздохнула с облегчением. Она поняла, что они такие, но значение имело лишь то, что Рамсона нигде не было видно. И это означало, что он жив.

Если бы с ним что-нибудь случилось, она никогда бы себе этого не простила.

В водовороте своих мыслей она не уловила пульс крови, оживающий в ее силе родства, пока он не оказался слишком близко.

Ана уже наполовину повернулась, как ее спину пронзило болью. Рот наполнился теплой металлической кровью.

Нападающий выдернул из нее клинок. Ее тело кричало, а сила родства вспыхнула так, что заглушила все остальные чувства. Она изо всех сил старалась оставаться в сознании. Пальцы стали липкими и влажными. В голове зазвенело от странного, пронзительного воя. Ана схватилась за кровь, чтобы остановить ее, замедлить, но в голове у нее стало легко, а сила то появлялась, то исчезала. Боль была электрической.

Она осознала, что привалилась к стене, чувствуя только, как по телу разливается усталость. Ее зрение начало расплываться, мир заглушали темные пятна.

Из этой тьмы выступила фигура.

– Мне жаль, что дошло до этого, Анастасия, – произнес знакомый голос. Над ней стоял заместитель командира Красных плащей, вытирая кинжал бледным носовым платком. – Честно, ничего личного.

Ана попыталась заговорить, но на губах пузырилась кровь. Мир быстро угасал.

Сеин вложил кинжал в ножны. На его белой рубашке не было ни пятнышка крови.

– Как я уже сказал, монархия должна умереть. Теперь, когда я покончил с вами, мне осталось позаботиться только о Морганье.

Вокруг него начали сгущаться тени, пока тьма не поглотила его. Последнее, что услышала Ана, был его голос, затихающий в ночи:

– Прощайте, Алая тигрица.

8

Будь прокляты боги, где она?

Рамсон прислонился к холодной каменной стене темного переулочка в Ново-Минске, схватившись судорожно за бок. Он все еще мог слышать напуганную толпу и ощущать на языке вкус дыма и пепла.

Он попробовал отыскать ее в Манеже и, когда это ничего не дало, последовал за толпой людей, которые стекались к городской площади, опасаясь худшего. И все же, когда он прибыл на место, где горели дома, кричали люди и пролилось так много крови, он хорошо знал, на чью работу это похоже.

– Немного утонченности, Ана, – процедил он сквозь зубы. Но, конечно, вряд ли утонченность являлась добродетелью, которую она вбила бы в свою упрямую голову.

Он воспользовался хаосом на площади, чтобы искать ее среди живых и мертвых, а затем последовал за потоком людей, выскользнув и растворившись в тених города, который он знал лучше, чем свои пять пальцев.

Рамсон провел рукой по волосам. Он хотел убить ее. Черт, он собирался найти ее и убить.

Будь прокляты боги.

В этом городе существовало только одно место, куда она могла пойти.

Его шаги были быстрыми, уверенными, когда он шел по мощеным улицам, его дыхание вырывалось из легких с резким, размеренным тактом. Отблески огня с городской площади отражались в облаках над головой, отбрасывая вокруг неестественный, адский свет. Улицы стали еще пустынее, горожане либо забаррикадировались в домах, либо бежали из города, либо были арестованы имперской инквизицией.

В Кирилийской империи наступила настоящая северная зима, и температура упала ниже нуля, поэтому ночь стояла холодная. Постепенно улицы превратились в дороги, покрытые нетронутым снегом. Дома поредели, и на их фоне вырисовывалась тень северной тайги. Дом Шамиры находился на опушке хвойного леса.

Только кто-то добрался туда первым.

Перед домом стояла черная повозка, факелы, ярко горевшие снаружи, отбрасывали длинные тени.

Рамсона охватило дурное предчувствие. Он пробрался сквозь хвойные заросли тайги к дому Шамиры. Подойдя достаточно близко, опустился на колени в тени дерева и выглянул.

Повозка стала видна отчетливее, и у Рамсона упало сердце. Это была повозка из черного камня, который стал синонимом имперских патрулей.

Два Белых плаща стояли на страже, мерцание их плащей отражалось красным в ночи. Еще двое ждали у входной двери.

Рамсон сразу заметил небольшую разницу между их облачениями. Один из Белых плащей – тот, что держал факел, – был одет в форму чуть более бледного серого цвета, чем остальные.

Именно тогда Рамсон понял, что у Белого плаща не было факела.

Он вызвал огонь руками.

Потребовалось мгновение, чтобы в его голове все сложилось. Это был один из новых инквизиторов Морганьи – тех, о ком до сих пор Рамсон читал только в злобных газетных статьях. Наблюдая, как мужчина жонглирует огнем в ладонях, Рамсон почувствовал, что, если дело дойдет до драки, его мизерикорд будет столь же полезен, как ветка.

В задней части дома послышалось движение. В поле его зрения появились еще три Белых плаща, выходящих из сада Шамиры. Рука Рамсона сжалась на рукояти оружия, и планы, кото-

рые он строил, изменились, стоило ему понять, что происходит. Не было никакого способа, которым он мог бы добраться до Шамиры незамеченным, но затем его пронзила новая мысль.

Была ли Ана внутри?

В одно мгновение он уже оказался на ногах, его чувства обострились, а рука крепко сжалась вокруг рукояти мизерикорда, когда он приблизился к дому. Теперь он мог разобрать обрывки разговоров Белых плащей. Еще несколько шагов, и...

Входная дверь с грохотом распахнулась. Свет резко пролился на снег.

Даже с расстояния примерно двадцати ярдов Рамсон узнал плотную, сильную женщину, стоявшую в дверном проеме, окруженную ореолом света.

– Будьте прокляты духами, вы хоть представляете, который сейчас час? – огрызнулась Шамира.

Ухмылка Рамсона исчезла, когда один из Белых плащей заговорил:

– Настоящим вы обвиняетесь в измене и во грехе против Кольст...

Резкий смех Шамиры прервал его слова.

– О, теперь во грехе, правда? Ваша императрица воображает себя божеством?

– ...Кольст императрицы, – продолжал Белый плащ, – в укрывании мятежников и предателей короны. Поэтому мы помещаем вас под арест и располагаем правом на обыск вашей собственности в поисках доказательств, подтверждающих эти обвинения.

Снова раздался смех Шамиры.

– Вы арестуете меня до того, как начнете искать улики? – она фыркнула.

– Заткнись, Шамира, – прошипел Рамсон себе под нос.

– Я предоставлю вам все необходимые доказательства, – продолжила Шамира, и ее голос стал спокойным и глубоким. – Я объявляю себя предательницей короны и мятежницей против Кольст императрицы. Не прикасайтесь ко мне, – прорычала она так злобно, что Белый плащ, приближавшийся к ней, заколебался. – Я пойду сама. – Она огляделась, и на мгновение Рамсон мог поклясться, что она смотрела прямо на него. – Но если кто-то все равно желает обыскать мой дом, он может это сделать. Вы, безусловно, найдете неопровержимые доказательства того, что пожилая дама рисует перед сном!

Два Белых плаща подали друг другу знаки, затем шагнули вперед и исчезли в доме Шамиры.

Рамсон застыл на месте, его разум проигрывал все сценарии, возможности и стратегии, пытаясь найти какой-то выход.

«Помоги ей», – призывал чей-то голос. Голос Аны. Она бы никогда не колебалась.

Но не против семерых Белых плащей, включавших еще и аффинита. Если он и был в чем-то хорош, так это в расчете шансов на победу. Рамсон Острослов умел распознавать, когда не следует вступать в битву.

Он смотрел, как Шамира идет к повозке, высоко подняв голову и расправив плечи, словно она здесь командовала. Как они запирают двери, садятся на своих гладких, бледных валькрифов. Наблюдал, как отряд тронулся быстрой рысью, их мощные скакуны двигались почти в два раза быстрее любой обычной лошади.

Он мог бы пойти за ними. Преследовать их, дожидаться момента, когда их бдительность ослабнет, и спасти Шамиру.

Но Рамсон оставался на месте, его чувства напряглись как пружины, а глаза сканировали окрестности. Он выжидал.

Как по сигналу, в одном из окон появилось оранжевое мерцание, и в ночи послышались голоса. Появился один из Белых плащей, который отправился обыскивать дом Шамиры. Казалось, он разговаривал с кем-то позади себя.

– Старая сумасшедшая гадалка, – его голос был слабым, едва слышным с того места, где скорчился Рамсон. – Зачем она нужна Кольст императрице? Она ведь на самом деле не верит, что старуха может видеть будущее?

Холодок пробежал по спине Рамсона. Морганья искала Шамиру?

Ответил более низкий голос:

– Не лезь не в свое дело. Нам были даны приказы, и наша задача – их выполнять. – Из дома появился инквизитор. Языки пламени лизнули кожу его голых рук и на мгновение омыли искаженное лицо. – Отойди.

Ночь озарилась короткой вспышкой света. Огонь вырвался из рук аффинита, закружился по деревянным стенам и соломенной крыше дома Шамиры. Он легко разгорелся, и пламя потекло ручейками, распространяясь быстрее, чем разлитые чернила на пергаменте.

Рамсон спрятался в тени деревьев, наблюдая, как двое Белых плащей вскочили на коней и поскакали за своим отрядом, огонь отбрасывал за ними длинные кривые тени.

«Трус», – прошептал голос.

Но Рамсон с уверенностью знал, что, если бы ему снова предоставили выбор, он бы выбрал спасение, снова, снова и снова. Точно так же, как в другое время, в другом месте, почти целую жизнь назад, когда в свете факелов гладко блеснула стрела, когда растрепались мягкие волосы лежащего на полу Ионы и, словно поверхность озера, неподвижно застыли его глаза.

Рамсон прижал руки к лицу. Шамира – она была до последнего храброй. Он подумал о ее пронзительном голубом взгляде, скользящем по периметру дома, почти как если бы...

...она смотрела прямо на него.

Рамсон вскочил на ноги. Не успел он опомниться, как уже бежал, неся к горящему дому так быстро, как только мог.

«Но если кто-то все равно желает обыскать мой дом, он может это сделать».

Это была не случайность. Шамира разговаривала с ним.

«Вы, безусловно, найдете неопровержимые доказательства, что пожилая дама рисует перед сном!»

Жар ударил ему в лицо, когда он подошел ближе, а свет огня обжег глаза. Вся передняя стена была охвачена пламенем.

Рамсон натянул шарф на лицо, глубоко вздохнул и ворвался в открытую входную дверь. Тут же его глаза наполнились слезами, а легкие – дымом.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы добраться до гостиной, где он мог видеть отблески пламени, пробивающиеся сквозь деревянную крышу.

Рамсон в отчаянии оглядел комнату. С полок на стене были скинуты книги, драгоценные тексты Нандьяна небрежно разбросаны по полу. Они прорезали клинками диваны Шамиры, набивка вывалилась наружу, полыхая красным, словно кишки. Ее стол был перевернут, а середина прекрасного нандийского ковра прорезана, обнажая грубые деревянные половицы под ним.

Среди обломков в углу комнаты лежал покосившийся мольберт с картинами. Краска вылилась из разбитых горшков, но когда Рамсон поднял холст, он нутром почувал, что это именно то, что он искал.

Шамира нарисовала голубую полосу океана, и множество завитков на ее белой поверхности. С самого края полотна было прожжено насквозь, а к его краям прилипал расплавленный металл.

Рамсон узнал бы золото где угодно.

Золото. Океан. Белизна. И посреди всего этого полоска красного, полыхающая, словно огонь, словно кровь, словно... алый плащ.

Он мог бы усмехнуться, осознав гений Шамиры. Она изобразила порт Голдвотер и белые волны, на картине и символически. И прямо посередине она нарисовала Ану.

Это не могла быть случайность. Она, вероятно, знала, что он придет искать ее, и оставила ему сообщение: Ана в безопасности и он найдет ее в порту Голдвотер.

Рамсон оставил картину в гостиной, так как пламя подползало все ближе к центру комнаты, оставляя за собой лишь пепел.

В саду за домом было удивительно спокойно: мир снега, льда и звезд. Ему почти казалось, что в нем обитал дух, спокойно ожидавший, когда он выйдет на спотыкающихся ногах и вдохнет полные легкие холодного, чистого воздуха.

Рамсон остановился у лозы. На ней росли зимние колокольчики, а тонкие бледные ветви поднимались вверх. Если бы он верил в богов, то поверил бы, что под ними покоится маленькая душа.

И все же он не смог удержаться, чтобы не наклониться и не прикоснуться рукой к земле, к тихой, дремлющей земле.

– Позаботься о старушке, хорошо? Остальное предоставь мне.

Когда Рамсон выпрямился, поднялся легкий ветерок. Зимние колокольчики кивнули.

Хорошо, что он не верит в загробную жизнь, подумал Рамсон, разворачиваясь, чтобы уйти, иначе он мог бы решить, что там, вдали от насилия и кощунства, маленькая душа защищала святость сада и только что говорила с ним.

9

Линн умирала.

Так во всяком случае говорили тюремные охранники – те, которые сменялись перед ее камерой, высеченной из черного камня. Она знала, что этот минерал добывался на севере Кряжистого треугольника и ценился людьми, которые занимались торговлей, ведя свои караваны через замерзшие тундры Империи. Людьми, которые ее продали.

Она вспомнила ощущение, которое испытывала, когда ехала в этих караванах неделями: легкое, покачивающееся движение, неопределенность дня и ночи, осознание, что ее могут избить в любой момент, и темнота – такая, что затемняла ваше зрение сильнее, чем повязка на глазах, и, казалось, поглощала целиком, заставляя вас усомниться в собственном существовании.

Вот на что была похожа эта тюрьма – как будто Линн сделала шаг назад и попала в самое сердце своих кошмаров.

Но Мастера ветра всегда учили ее превращать свои слабости в сильные стороны. Темнота стала ее тренировочной площадкой, которая заставляла другие чувства обостряться. Цепи стали ее друзьями, она научилась сражаться без рук в ограниченном радиусе и приспособливаться к другому центру равновесия. А побои научили ее заглушать боль в голове и сделали ее тело более выносливым.

Нет, ничто из этого не заставляло ее ненавидеть это место. Она боялась самого этого пространства.

Пространства – или его отсутствия – в ее крошечной, тесной камере, в которой она едва могла вытянуть ноги, не касаясь противоположной стены. Пространства, которое давило на нее в тишине и темноте, пока, казалось, не превратилось в живое существо, дышащее ей в лицо и угрожающее поглотить ее.

Первые несколько дней она провела, свернувшись калачиком у стены, думая о высоких горах Кемейра, которые поднимались в небо, о тумане, плывшем между ними, словно лента Лунной танцовщицы. Она знала эти горы с тех пор, как ее связь с ветром проявилась в возрасте пяти лет. Было время, когда она прыгала с тех скал и летела легко, как птица, паря с ветром в ушах и небом за спиной.

Когда исчез ее брат, ей показалось, что вся ее жизнь рухнула.

После этого она перестала летать.

«Бескрылая птица, – прошептали Мастера ветра. – Какой воин не может овладеть силой родства собственной стихии?»

Да, она была бескрылой птицей. И теперь сидела в клетке.

Она сломала запястье и подвернула лодыжку во время прыжка со стены дворца Сальскова. Река – и ее ветры – спасли ее от быстрой смерти, и она выползла из воды замерзшая, почти без сознания. Она пробиралась от одной деревни Империи к другой, пока не наткнулась на группу имперских патрулей, посланных новой императрицей. В лихорадке, раненая, она едва успела вступить в бой, прежде чем они схватили ее.

Теперь она находилась здесь, в тюрьме, которую называли Стенающие скалы, далеко от свободы и еще дальше от порта Голдвотер. Чтобы ее судили за измену и казнили как кемейранскую шпионку.

Они пытались выбить из нее какие-то признания, и она сказала им то, что они хотели услышать. Потому что мелкие преступления, в которых она призналась – в шпионаже и попытке саботажа, – были ничто по сравнению с правдой.

Она была подругой и союзницей кронпринцессы Анастасии и хотела вернуться к ней.

Сквозь дверь из черного камня донесся приглушенный лязгающий звук. За ней шли охранники. Пришло время для ее ежедневного допроса.

Эта мысль вызвала волну тошноты, но Линн отбросила страх, который тянулся из глубины ее сознания. Бесшумно, даже без звона цепей, она сменила свою медитативную позу на позу эмбриона на полу.

Звякнули ключи, и затем дверь открылась.

Свет факелов ослепил ее. Она провела тяжелой рукой по лицу, чтобы прикрыть глаза. Раздался звон металла ключей, вновь погрузившихся в карман. По полу резко зазвенели шаги, и кто-то опустился рядом с ней на колени.

– Она до сих пор жива? – Она узнала по голосу своего охранника Исьяса. Дважды в день он просовывал поднос в ее камеру сквозь маленькое прямоугольное отверстие в двери, выплескивая холодную кашу на пол. Они подсыпали ей в еду боевосх, яд, который подавлял силу родства. Вот как они держали своих аффинитов под контролем – легкий, но ужасно эффективный метод. Никто не мог выжить без воды или пищи. А дозировки боевосха, которую они добавляли, хватало почти на два дня.

Послышался смехок второго стражника.

– Если убьешь ее, больше не сможешь с ней играть. – Допрашивающий ее офицер Василий был воспитан для жестокости. В ее первый день здесь он швырнул ее в камеру и вылил на нее ведро холодной воды. Она провела остаток ночи, дрожа от холода, а всю следующую неделю болела.

Но это был лишь незначительный акт злобы, чтобы обучить ее правилам. Это во время ее допросов наружу выбирался настоящий монстр, каким он являлся на самом деле.

Спина Линн болела от ран, которые он нанес. Но это не имело значения. Телесные раны относились к физическим. А остерегаться нужно было душевных.

И все же она не смогла сдержать резкий крик, сорвавшийся с губ, когда нога Василия врезалась ей в ребра.

– Вот и все, – усмехнулся он, когда она согнулась пополам, задыхаясь и хватая ртом воздух. – Игнорируешь нас, ты, узкоглазая деимхов?

Внезапно он схватил ее за шею и прижал к стене с такой силой, что ее голова ударилась о шершавый черный камень. Линн стиснула зубы, наблюдая звезды, которые вспыхнули перед ее глазами, заставляя себя оставаться неподвижной.

Ей нужно было заставить их поверить, что она слаба. В самом начале она сопротивлялась, нанося удары и пинки своим охранникам и Василию – и была наказана за это. Привязана к стене без единого дюйма свободного пространства в течение нескольких дней. Лишена воды и пищи, пока губы не начали кровоточить и она не потеряла сознание.

День ото дня ее борьба ослабевала, удары наносились все мягче и мягче, пока однажды они не нашли ее свернувшейся калачиком в углу камеры, со склоненной головой и сцепленными руками. Они насмехались, и она терпела их властные прикосновения, как будто они владели ею.

Они и не подозревали, что все это было частью ее плана.

Она молчала, пока они тащили ее наверх, наручники натирали запястья, разрывая плоть. Линн позволила своей голове слегка опуститься, а ногам безвольно волочиться по полу.

– Будь прокляты боги, бесполезная кемейранка, – прорычал Исьяс, таща ее за собой. – Вставай, черт тебя дерит, не встанешь?

Она проигнорировала их.

– Мы казним ее через неделю, – сказал Василий Исьясу, и, несмотря ни на что, Линн вздрогнула от бессердечия его слов. Он говорил о ее смерти с куда меньшим волнением, чем о потере домашнего скота. – Мы не должны прикасаться к ней после сегодняшнего дня, они хотят, чтобы она была здоровой и живой перед тем, как встретится с топором.

Они тащили ее мимо камер, а затем вверх по винтовой лестнице, на которой воздух становился все менее плотным, темноту начинал рассеивать мерцающий свет. Свежий, пахнущий снегом ветерок коснулся ее щек, легкий, как перышко, и все же она обнаружила, что ее чувства пробуждаются, как цветок на солнце. Божевосх, пробежавший по ее крови, блокировал любую реакцию ее силы родства, и все же прохладные ветры шевелились в ее груди, вдыхая в нее жизнь. Жизнь и надежду.

Пока они поднимались по каменным ступеням, она поняла, что что-то изменилось. Обычно они проходили мимо первого ряда дверей из черного камня в коридор с комнатами для допросов. Сегодня они продолжали идти: вверх, вверх.

Словно почувствовав ее беспокойство, Василий ухмыльнулся ей через плечо.

– Тебя ждет кое-что особенное, – сказал он, и чистое ликование в его голосе заставило ее вздрогнуть. – Мы поглядим, не выдашь ли ты сегодня все свои грязные секреты, кемейранка.

Она споткнулась на одной из ступенек, и ее лодыжки ударились о грубый камень. Исыас разочарованно застонал, и вместе с Василием они потащили ее вверх по последним нескольким ступенькам – мимо ряда дверей из черного камня, за которыми последовал ряд железнорудных дверей.

Ее босые ноги коснулись чистого холодного мрамора. На девственно белых стенах появились гобелены с изображениями белых тигров, богов и различных кирийских символов.

Ее сопровождающие провели ее по нескольким развилкам и поворотам, и она обратила внимание на элегантность полированных дубовых дверей, латунные ручки с тигровой головой, бдительность охранников. Это было место для высокопоставленных гостей, часто посещающих эту тюрьму. Линн мало что знала о кирийских тюрьмах и еще меньше о Стенающих скалах, кроме того факта, что тюрьма находилась высоко. Вся она представляла башню без окон и с единственным тщательно охраняемым входом, который обещал быструю смерть, если кто-то попытается сбежать.

Это был риск, на который ей придется пойти в конце концов.

Исыас отпер одну из тяжелых дубовых дверей. Линн проследила за его руками, когда он повесил ключ обратно на пояс и застегнул металлическую пряжку с надежным щелчком. Дверь распахнулась, и, прежде чем она успела хотя бы мельком взглянуть на комнату, Василий толкнул ее внутрь.

– Приятного вам последнего допроса, деимхов, – усмехнулся он, и дверь захлопнулась.

Она лежала на полу. И все же медленно ее чувства пришли в движение, когда она поняла, что ее лицо было теплым от знакомого, восхитительного ощущения, похожего на материнский поцелуй.

Солнечный свет.

В одно мгновение Линн оказалась на ногах, цепи на ее запястьях и лодыжках ощущались легче воздуха, когда она пересекла комнату в два шага. Окно было плотно закрыто и зарешечено снаружи толстыми железными прутьями, которые разбивали солнечный свет на блоки.

Линн прижала руку к прохладному стеклу, и от ее дыхания оно запотело, так что заснеженный пейзаж за окном казался туманным белым пятном. Под ней раскинулась северная тайга, из-под корки снега выглядывали темно-зеленые пятна, а небо сверкало вечной синевой.

Она была загипнотизирована открывшимся видом и не услышала звука тихо открывшейся двери и бесшумных, как тени, шагов.

Линн обернулась, когда дверь с щелчком закрылась.

Она не была уверена, что – или кого – она ожидала увидеть, но вместе с шоком пришло осознание, затягивающееся вокруг нее запутанными нитями, что это судьба. Действие и противодействие.

– Ты, – прошептала она.

Он был еще более ярким и живым, чем она представляла в своих воспоминаниях о залитой лунным светом башне. Когда он вышел на солнечный свет, каждая линия его мускулов казалась вырезанной из кости, каждое его лезвие было отточено до смертоносной точности воина.

Сапоги егеря застучали по полу, когда он шагнул вперед, двигаясь неторопливо, как тигр, кружащий вокруг своей добычи. Он был одет в доспехи, но она заметила, что это уже не та сверкающая серая ливрея, которую он носил в Сальскове. Его новое облачение состояло из более гладкого серебристо-белого металла, который блестел на солнце, а белоснежный плащ, который он когда-то носил с гордостью, исчез.

Это заставляло его выглядеть потеряннным.

– Я не думал, что мы встретимся снова так скоро, – в его словах скрывался намек на веселье.

Линн ошетинулась. Он грубил ей, еще не начав жестокий допрос.

«Молчи, – подумала она, настороженно глядя на него. – Выясни, почему он здесь».

Но она не смогла удержаться, чтобы не съязвить в ответ:

– Вполне ожидаемо, что ты так не думал, ведь я вполне очевидно намекнула, что больше не хочу тебя видеть, когда бросилась с той башни.

– И вот теперь ты здесь. Похоже, они подрезали тебе крылья, птичка.

У нее перехватило дыхание. Птичка. Бескрылая птица.

Она сохраняла такое же безмятежное выражение лица, как и у него, но от его слов ее сердце забилося барабанной дробью. Это была та же мысль, которую он пробудил в ней той ночью на сторожевой башне Сальскова, прежде чем она прыгнула.

«Он знает», – вспомнила она во внезапном приступе паники. Егерь был единственным человеком, который видел ее в непосредственной близости той ночью во дворце. Единственный человек, который знал о ее союзе с Аной.

«Что ему нужно?» – Линн снова задумалась. Его глаза впились в нее, и у девушки возникло странное чувство, что он может заглянуть в ее прошлое, в самую ее душу.

– Я удивлен, что ты еще не попыталась вырваться, – сказал он. – Охранники сообщили, что в первые несколько дней ты была непослушной и воинственной, а теперь послушная, покорная и слабая. – Он сделал паузу, как будто ожидая, что она заговорит.

Линн держала рот на замке. Она чувствовала, как его глаза блуждают по ней, отмечая легкий наклон ее позы, замечая здоровую лодыжку и то, как ее плечи сгорбились, а голова склонилась. Она, должно быть, выглядела жалко, ее волосы были растрепаны, одежда порвана, покрыта грязью, сажей и экскрементами, накопившимися в ее камере за две недели.

«Хорошо, – подумала она, еще ниже опустив голову. – Пусть он так думает».

Егерь продолжил:

– Ты совсем не похожа на воительницу, которую я встретил в Сальскове. А это значит... – Он внезапно остановился и повернулся к ней, его глаза пронзили ее, как два кинжала. – Ты что-то замышляешь.

Линн изо всех сил старалась сохранить невозмутимое выражение лица, но в ее голове с нарастающим отчаянием зазвенели пронзительные колокольчики. «Скажи что-нибудь, – подумала она, и в то же время: – Молчи».

– Помоги мне, – сказала она вместо этого, и надлом в ее голосе был реальным. Лгать и умолять было против кемейранских правил чести, но годы принудительного рабства научили Линн, что выжить не менее важно. И не имело значения, как другие воспринимали ее, пока она знала, что в глубине души еще оставалась такой же сильной и гордой, как юная кемейранская Мастер ветра, которая стояла на краю скалы и летала.

«Но так ли это?» – прошептал тихий голос внутри.

– Посмотри на меня.

Она почувствовала, что он перестал расхаживать, и когда она, наконец, подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом, он стоял, четко вырисовываясь на фоне ярко освещенного и единственного окна в комнате, но его лицо оставалось в тени.

Его голос был тихим дыханием:

– Мне тоже нужна твоя помощь.

Его глаза стали завораживающего, непостижимого синего цвета ледников на севере Кирилии, тех самых, которые она видела сквозь трещины в корпусе своего торгового корабля. Линн почувствовала холод в груди, как будто лед его взгляда пробирался по трещинам ее сердца и сжимал ее, а он знал, о чем она думает и что чувствует.

Она отвела взгляд.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты не очень хорошая лгунья.

Она ненавидела то, как он смотрел на нее – будто она была прозрачна, как стекло, и он мог разбить ее одним ударом.

«Будь храброй», – подумала она, но без ветра за спиной она не могла слышать голос, который вел ее в самые мрачные моменты.

Странное выражение на лице егеря промелькнуло, словно кончик змеиного языка: оно было настолько неуловимым, что заставило Линн насторожиться.

– Я был солдатом в армии новой императрицы, – тихо сказал он. – В течение прошлой луны я путешествовал с ней по всей империи, следуя за ней, пока она устанавливала свое правление. Она убивает людей, кемейранка. Возможно, для тебя это мало что значит, но я приехал в Кирилию ребенком, и часть меня связана с этой империей, несмотря ни на что. И я не могу стоять и смотреть, как новая императрица сжигает этот мир дотла. – Его слова потрескивали в воздухе, как молния перед бурей. – Я сопротивлялся, и она отправила меня сюда. Я такой же пленник, как ты. Лишен чести и звания. – Его рука слегка дернулась в сторону, как будто он смахнул призрак плаща, которого больше не было.

– Ты говоришь, что ты заключенный, но ты не в цепях, запертый в камере, – сказала Линн. – Я не знаю, чего ты хочешь от меня, но если все это для того, чтобы передать мне свой гнев, то давай. – Она склонила голову, подавляя дрожь, которая угрожала зародиться в ней, когда она подумала о хлысте и резких порезах боли, которые жгли ее спину, как огонь.

Несколько секунд прошло в полной тишине. А потом она услышала щелчок его кинжала. Линн закрыла глаза, зарываясь в темноту и закручивая кокон из плоти вокруг своего сознания. Она делала так же в те дни, когда торговцы избивали ее, потому что это был единственный способ сделать жизнь сносной: сказать себе, что раны на теле заживают и что ей нужно защищать силу своего сердца и духа.

Но прикосновение его большого пальца, теплого и грубого, к ее подбородку, выдернуло ее из воспоминаний. Ее глаза распахнулись. В тишине он сократил расстояние между ними, даже не пошевелив воздух.

Кто был этот человек? Этот молчаливый воин, который стоял перед ней, непроницаемый и холодный, как лед, свирепый, как огонь?

– Я хочу вступить в ряды принцессы Анастасии, – сказал егерь.

Линн заставила свое лицо стать маской, зеркалом, отражающим его слова.

Он продолжил:

– Через два дня, когда я сделаю необходимые приготовления, приду за тобой в полночную смену. И мы покинем это место вместе.

Два дня. Ее мысли закружились.

Егерь поднял кинжал, и на этот раз Линн не смогла удержаться, чтобы не отпрянуть.

– Собираешься причинить мне боль?

Что-то изменилось в его глазах – едва заметное таяние льда.

– Я солдат, кемейранка, обученный кирилийским ценностям – чести и достоинству. Я полагаю, у вас в Кемейре такие же. Если мы снова будем драться на дуэли, это произойдет не тогда, когда ты закована в цепи, голодна и ранена из-за побоев своего охранника.

Егерь с поразительной точностью опустил лезвие на собственный палец.

Кровь хлынула из пореза, капая на пол. Линн стояла очень тихо, когда егерь прикоснулся окровавленной рукой к ее щеке, шее, грязной одежде.

Он знал. Он знал, что Василий избил бы ее, если бы не увидел на ней следов крови.

Благодарность на мгновение шевельнулась в ее сердце, прежде чем она подавила ее. Этот человек был опасен – он был врагом, угрозой для Аны, если она ему поверит. Он пытался купить ее благосклонность заранее спланированными проявлениями доброты.

Через два дня, в полночь, он придет за ней.

И найдет ее камеру пустой, потому что ее уже давно там не будет.

Руки егеря были нежными, когда он обмазывал ее своей кровью. Но мысли Линн бежали далеко, в ее голове начал формироваться план. Ана сказала ей, что база Красных плащей находится в порту Голдвотер, это было единственное место, которое Линн могла вспомнить, чтобы найти подсказки о местонахождении Аны. Она отправится на юг, на территории, еще не попавшие под влияние Морганьи.

Ее взгляд метнулся к окну в задней части комнаты.

Не имело значения, что там были два толстых стекла из черного камня, а железные прутья стояли на страже, прочные и нерушимые. Не имело значения, что они находились так высоко, что северная тайга казалась бесконечным океаном далеких деревьев.

Там, где находилось окно, находился и выход. Потому что неважно, сколько цепей намотали на нее, неважно, на сколько замков ее заперли, неважно, насколько сильно ее тело было избито, покрыто синяками и сломано, она никогда не забудет, кто она в своем сердце.

Я тени и ветер. Я невидимка.

Я взлечу.

10

Темнота. Боль. Затем, постепенно, мельчайшие проблески света. Резкий холод, прошедший по ее лицу.

Ана приоткрыла глаза. Было все еще темно, мир перед ней кружился, пока она пыталась сосредоточиться на слабых проблесках света луны снаружи. Она лежала на том же месте у подножия лестницы в «Сломанной стреле», где ее оставил Сеин.

Ударил ее ножом.

Подумал, что убил ее.

Она понятия не имела, сколько прошло времени. Ее сила родства то появлялась, то исчезала, но она могла сказать, что потеряла значительное количество крови. Было так холодно, что она едва чувствовала свои пальцы, а дыхание вырывалось белыми облачками пара.

Ана попыталась принять сидячее положение, но боль в спине чуть не заставила ее снова потерять сознание. Она чувствовала, как кровь сочится из ее раны, замедленная холодом. Если она останется здесь, то умрет. И на этот раз никто не придет, чтобы спасти ее.

Ана стиснула зубы и сосредоточила силу родства у ножевой раны. Она была длинной, скользила по ее ребрам хитрым и злобным порезом. Она чувствовала, как ее кровь пытается свернуться в этом месте.

Собрав всю оставшуюся энергию, она сконцентрировалась на свертывании крови там, где плоть и органы были разрезаны, словно фрукты. Ей приходилось останавливаться каждые несколько секунд, чтобы отдышаться, и раз или два у нее снова начинались приступы головокружения, настолько сильные, что она боялась упасть в обморок.

После долгого времени, или ей так только казалось, Ане удалось свернуть кровь в ране достаточно, чтобы остановить кровотечение. Она позволила себе несколько мгновений полежать на полу, сосредоточившись на том, чтобы выровнять дыхание. Ее сила родства мягко мерцала в глубине сознания. Не было никаких признаков крови, кроме ее собственной и двух тел в комнате. В гостинице стояла такая тишина, что она могла слышать свист ветра снаружи. Была еще ночь, невозможно сказать, сколько прошло времени.

Ей нужно двигаться.

Ана сделала два, три глубоких вдоха, стиснула зубы и приподнялась.

Кровь бросилась ей в голову. Она резко вздохнула, когда ее висок столкнулся со стеной, и руками процарапала разорванные обои.

Мир покачнулся, а затем замер.

Она подождала, пока ее зрение прояснится. Ее валькриф остался в конюшне; ей нужно добраться до него. Рамсон ушел, и в ее нынешнем состоянии она уже не могла его искать. Ей необходимо найти кого-нибудь вроде целителя там, где ее нелегко будет узнать.

А потом...

У нее закружилась голова от странности происходящего, от того, что ее план рухнул.

Она все еще могла собрать осколки.

Начиная с порта Голдвотер.

Ана ставила одну ногу перед другой. Шаг за шагом она шла, останавливаясь каждые несколько футов, чтобы перевести дыхание, чтобы защититься от боли, пульсирующей в животе.

Чудом она добралась до стойки регистрации. Затем до двери гостиницы.

Ночь была холодной, в воздухе стоял едкий запах дыма. Ана, спотыкаясь, добрела до конюшни и с облегчением увидела, что ее валькриф все еще там.

Ей удалось забраться в седло, сдержав крик, когда ее рана снова открылась.

Затем потребовалось несколько попыток, чтобы зажечь свою силу родства, а потом еще множество долгих минут, прежде чем направить ее в кровь, вытекающую из раны, удержать ее на месте и подождать, пока она свернется.

Другой рукой она сжала поводья валькрифа.

Мир вокруг закружился, когда она выехала из конюшни, наклонившись вперед в седле. У нее раскалывалась голова, кровь стекала по руке и капала на снег. Она боролась до последнего вздоха, боролась за жизнь.

11

Линн отсчитывала секунды до того момента, когда пройдут два дня с ее разговора с егерем. Она сидела неподвижно, как учили ее мастера, и думала, как тянется время, как медленно раздается капанье воды, просачивающейся через скалу. *Кап-кап-кап.* Это был кемейранский путь равновесия и гармонии, когда ты остаешься настроенным на окружающие тебя элементы, выравнивая те, что внутри тебя.

Кап-кап-кап.

Ибо при терпении даже вода могла бы пробиться сквозь скалу.

Однако сейчас было трудно думать о воде, когда она ничего не пила почти три дня. В рту у нее было мучительно сухо, язык наждачной бумагой прижимался к горлу, и она поймала себя на том, что думает о плоских, широких реках, которые рассекали зубчатые горы Кемейра, о том, как воды становились цвета мандаринов во время заката, брызгая на ее кожу золотыми каплями, становившимися холодными и сладкими на языке.

Когда-нибудь – возможно, очень скоро – она увидит все это снова.

С трудом она заставила себя вернуться в настоящее. Прошло два дня с тех пор, как она в последний раз ела, и минимальное количество воды, которое она выпила, дали ей лишь для того, чтобы у нее не проявились дальнейшие симптомы обезвоживания. Медленно, секунда за болезненной секундой, божевосх, который она поглощала из пищи, выводился из ее кровотока. И это работало.

Ее сила родства возвращалась.

Даже когда она сидела, прислонившись к стене, с легким головокружением и потрескавшимися от жажды губами, она чувствовала это: движение ее сил, настроенных на движение ветра между трещинами грубых каменных стен, на малейшие завихрения в воздухе с каждым вдохом и выдохом.

Она была готова в любой момент привести свой план в действие.

Затем она услышала их, далекий стук шагов, который послал глухое эхо по коридорам и вибрацию по каменным стенам, и вывел ее из оцепенения. Через несколько секунд маленький прямоугольный желоб откроется, и поднос с едой упадет на пол. Чтобы она слизывала кашу с земли, как собака.

Вот только она этого не сделает. Больше никогда.

Приближающиеся шаги принадлежали Исьясу: он ходил слегка неровно, и небрежный край каждого шага значительно отличался от жестоких, расчетливых шагов Василия.

Когда заслонка открылась, она была готова.

Линн вскочила со своего места, как гадюка. Ее рука вылетела вперед, пальцы с грохотом пронеслись мимо подноса с едой и вцепились в запястье Исьяса. Она дернула его к двери своей камеры, и прежде, чем он успел издать хоть звук, другая ее рука зажала ему рот.

Линн нужна была только одна рука, чтобы убить человека.

Она скрутила его.

Тело Исьяса обмякло. Линн услышала, как звон ключей оборвался, когда они, скребнув по двери ее камеры, неловко вжались в его бедро. Прислонившись к холодной двери из черного камня, она потянула его к отверстию, пальцы скользили по униформе, пока она не почувствовала холодный металл и острые края ключей.

Несколькими ловкими движениями пальцев ключи оказались у нее на ладони, и она не смогла унять дрожь, когда вставляла их в замочную скважину.

Дверь распахнулась с пугающе медленным скрипом.

Она затащила тело Исьяса в камеру, выхватила два кинжала из его униформы и пристегнула их к своим запястьям. Ей пришлось всем весом навалиться на дверь, чтобы захлопнуть ее, и та закрылась со скрежещущим звуком, который эхом разнесся по коридорам.

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы просунуть перевернутый поднос и хлеб в отверстие двери и не обращать внимания на водянистую кашу, уже просачивающуюся в трещины на полу. Ей свело от голода живот, но она сглотнула, борясь с желанием упасть на колени и проглотить все до последней капли.

У нее закружилась голова, когда она пошла по тускло освещенному коридору подземелья, обезвоживание вызывало тошноту, пульсирующую в животе. Кинжалы казались тяжелыми в руках, и раз или два она прислонялась к стене, уверенная, что сейчас потеряет сознание.

Было легко сидеть там, в темноте, но, стоя снаружи, она поняла, насколько на самом деле слаба. Она переоценила себя.

Когда на нее обрушился очередной приступ головокружения, одна вещь удержала ее на земле. Пара огненно-ледяных глаз. Глубокий, ровный голос.

«Я приду за тобой в полночную смену».

Нет, к тому времени она должна быть далеко от этого места. Она спланировала все так, чтобы сбежать во время приема пищи, за несколько часов до полночной смены. За несколько часов до того, как егерь придет за ней. Она не доверяла ему и не собиралась приводить его к Ане.

Линн тяжело дышала, когда шла по коридорам, следуя по знакомым ходам, по которым дважды в день поднималась к лестнице. Тени вокруг нее, казалось, раздвинулись, и раз или два ей показалось, что она краем глаза уловила движение.

Легкий сквозняк пробудил в ней силу родства, и она ухватила за нее. Она была близко, очень близко.

Линн притормозила перед последним поворотом и, стараясь не шуметь, прижалась к стене. Два охранника всегда стояли на страже перед спиральными лестницами; она уловила дрожь в воздухе от их дыхания, пульсирующее предупреждение.

Ей придется сразиться с ними, чтобы пройти.

«Боги», – подумала она, делая глубокие, тихие вдохи, как будто это могло пополнить ее силы. Она сжала в руке кинжалы, которые украла у Исьяса. Ее руки дрожали, когда она подняла клинки перед лицом в безмолвной молитве.

В коридоре за дверью послышались шаги. Прежде чем она успела среагировать, двери подземелья распахнулись, и рычание Василия эхом разнеслось по коридорам.

– ...плевать, что этот ублюдок из Нандьяна приказал нам прекратить. Я заместитель начальника тюрьмы, и я добьюсь признания от этой кемейранки, если это послед...

В момент, когда Василий и его охранники завернули за угол, Линн прыгнула. Ее кинжалы прочертили две зловещие красные линии поперек горл. Их тела упали на пол с глухим стуком, и по серым доспехам заструилась кровь.

Василий отступал и кричал оставшимся двум охранникам у входа:

– Схватить ее, схватить ее!

В голове Линн стучало, ее руки дрожали, когда она сфокусировала свой затуманенный взгляд на двух охранниках, наступающих на нее.

Мастера ветра учили ее, что самые успешные воины учились у каждой из стихий, их тела были настроены на то, что лучше всего подходило в данный момент. Огонь. Вода. Воздух. Земля. Всегда приспосабливайся, всегда меняйся.

В этот момент Линн превратилась в воду.

Она скользнула под мечом первого стражника, изгибаясь вокруг его тела, как вода вокруг камня. А потом превратилась в огонь: ее рука взметнулась, кинжал вонзился ему в спину. Ее забрызгал багрянец, когда она нанесла удар.

Острая боль пронзила ее бок. Линн подавила желание закричать, когда ее чувства побледнели, превратившись в массу раскаленной добела боли.

Она споткнулась.

У нее подкосились колени.

– Я поймал ее! – прокричал четвертый и последний охранник, как ребенок, случайно поймавший в ловушку маленькое животное. – Лейтенант!

Сапоги застучали по холодному каменному полу, и Василий ударил ее коленом в живот.

Линн закашлялась кровью. Потолки подземелья то появлялись, то исчезали из фокуса, и в мерцающем свете факелов лицо Василия расплылось в ужасающей улыбке.

– Некоторые вещи просто не меняются, кемейранка, – прошептал он, обдавая ее лицо холодным гнилым дыханием. – Вы, узкоглазые деимховы, не созданы для этого мира, и я с радостью тебе помогу исчезнуть.

Линн закричала, когда он повернул в ней нож, который царапнул ее по кости. Она боролась с темнотой, застилавшей зрение.

Неужели так все и закончится? Воспоминания, образы или мечты о Кемейре, ее доме, прошлом, которое она оставила, и будущем, которое она потеряла, промелькнули перед ее глазами. Кемейр, бесконечный лабиринт гор и тумана, подожженный сверкающими восходами, за которыми она страстно желала гнаться на край света. Кемейр, отражавшийся блеском в глазах ее брата, россыпью звезд на фоне полуночного неба, когда он последовал за ней на самодельных крыльях, на которых был рожден летать. Яркость, исчезнувшая в тот день, когда его схватили торговцы, полоса кометы на фоне ночи, которая слишком быстро исчезла.

«Нет», – подумала она, и рыдание сдавило ей горло. Нет, она не была готова.

Сквозь тьму, которая угрожала утащить ее вниз, и боль, парализовавшую разум, она нашла порыв ветра, шепчущий в глубине ее сознания. Ее спутник, ее щит, ее меч.

Линн вцепилась в него. И потянула.

Ее сила родства ожила с ревом. Вес Василия оторвался от нее, и она услышала, как он вскрикнул, врезавшись в противоположную стену. Завыл шторм, факелы в подземелье потемнели.

Линн заставила себя подняться на ноги.

Она подобрала брошенный рядом с мертвым охранником кинжал и захромала к Василию, пока ветер завывал у нее за спиной.

– Мы, узкоглазые деимховы, имеем такие же права на этот мир, как и вы, – удалось ей сказать, и слова вместо того, чтобы потеряться, казалось, усилились ветром, эхом разнесясь по темному коридору. – И я покажу тебе, на что способна.

Она приставила кинжал к его груди и воткнула.

Ненависть, враждебность и ужас исчезли в глазах Василия. Через несколько мгновений Линн уставилась в пустой взгляд трупа.

Она тут же рухнула. Ветер стих, в коридоре стояла зловещая тишина. Факелы погасли. Линн поняла, что ее тюремная одежда была липкой от смеси ее и Василия крови. Лежа одна в темноте, медленно истекая кровью, она держала руку перед собой.

Теперь? Неужели она перетерпела и пережила годы в руках торговцев и эксплуататоров только для того, чтобы умереть, и никто даже не узнает об этом? Линн подумала о своей матери, которая никогда не узнает, что с ней случилось в тот день, когда она ушла к океану и не вернулась.

Ее мысли затуманились, она ускользала. Первым перед ней предстало лицо брата, излучающее радость, навсегда застывшее в детстве. Воспоминание... сон о том, как он приземлился на краю обрыва, его шаги отдавались эхом, когда он приближался к ней, смеясь. «Нечестно, анека, ты жульничала!»

«Энн», – попыталась сказать она, но ее руки отяжелели, когда она потянулась к нему, и тени сомкнулись.

Затем его лицо изменилось, глаза странно заблестели серебром в темноте, кожа приобрела более глубокий оттенок, когда он подошел ближе. Мир мягко покачнулся. Она боролась, чтобы остаться в сознании, и ее конечности двигались против ее желания. Двигаться, двигаться, иначе она...

– Успокойся, – сказал глубокий голос, – если только не хочешь умереть.

Стало светлее. Теплее. Лицо то появлялось, то исчезало из фокуса, и ее усталый мозг изо всех сил пытался вспомнить его. Она лежала на плоской поверхности, пока мир вокруг нее прояснялся.

Что-то холодное коснулось ее губ, потекло по языку и растеклось по подбородку.

Вода.

Она жадно пила, почти не осознавая, что вцепилась в грубую руку, державшую перед ней бурдюк с водой. Она пила, пока не остановилась, чтобы глотнуть воздуха.

В голове все еще стучало, а тело болело, когда сознание прояснилось. Первое, что она заметила, был сквозняк, слабый, но холодный и пахнувший сосной. Он проскользнул сквозь щели в окне слева от нее, пронесся над дубовым столом, на котором она лежала, и пошевелил пламя свечи.

Окно, подумала она, и все вернулось на круги своя.

– Нет, – выдохнула Линн, садясь, что было ужасной ошибкой. Ее голова грозила расколоться надвое, а живот пронзила острая боль.

– Для человека, который так упрямо выживал, ты, кажется, твердо намерена умереть.

У нее закружилась голова.

– Ты, – выдохнула она.

Егерь наблюдал за ней, прислонившись к мраморной стене своего кабинета и скрестив руки на груди. Мерцающий свет свечей очертил острые контуры его фигуры, мускулы, которые проступали даже сквозь униформу. Он прищурился, слегка наклонив голову, как будто девушка была особенно сложной головоломкой, которую он пытался разгадать.

– Пожалуйста, расслабься. Ты была без сознания почти двадцать пять минут, и я дал тебе все таблетки, которые у меня есть. Я бы предпочел, чтобы ты больше не падала на мне в обморок.

Линн внезапно осознала, что боль в голове утихает. Даже боль в боку притупилась, когда она сидела неподвижно, наблюдая, как он следит за ней. Ее рана была промыта и перевязана, а сама она укрыта огромным плащом.

Ее руки лежали на коленях, тревожно пустые. Ее ножи. Где ножи?

– На случай, если ты ищешь это, – взмах его рук, и кинжалы Линн – те, которые она украла у Исьяса – появились в руках егеря.

Линн слегка наклонила голову, наблюдая за его приближением, ее тело напряглось, как пружина. Раненая и едва пришедшая в себя, она мало что могла сделать против него, даже если бы захотела.

Ботинки перестали стучать. Егерь стоял на расстоянии вытянутой руки от нее, лениво сжимая в руке кинжал. На его ладони виднелась тускло-красная рана. Она подумала, как его руки касались ее щек, плеч, одежды, как его кровь – которую он выдал за ее – скользила по ее коже.

– Я сказал тебе, что приду за тобой, и мы покинем это место вместе, – его голос был глубоким, холодным, с затаенной властью. – Ты предпочла бы смерть, чем довериться мне?

– Смерть, жажду и голод, – поправила Линн, но ее голос дрожал и звучал тихо.

– Я же сказал, что не враг тебе.

Она молчала, шестеренки в ее мозгу теперь работали быстрее. Он сказал ей, что хочет присоединиться к Ане, но она ему не доверяла.

Она также не могла убежать от него. Не сейчас, когда совсем лишилась сил.

– Ты хочешь дезертировать, – сказала она, оттягивая момент. – Ты бы отказался от всего: от своего звания, чести, значков, – чтобы присоединиться к повстанческой группе?

Он не двигался, но в его глазах было легкое движение, как будто над головой проплыло облако. Он отвернулся, нахмутив брови.

– Я же тебе говорил. Я не могу стоять под руководством этой империи, наблюдая, как умирают невинные... дети.

Всплыло непрошеное воспоминание: мужчины, поднимающие ее с постели на борту торгового корабля, грубые пальцы на ее плечах и спине, ее вытаскивают наружу, пронизывающий солнечный свет, а затем вид на холодную, замерзшую землю. Солдаты на пристани в белоснежной форме, на их груди сверкают серебряные знаки отличия.

Она узнала эмблемы Кирилийской империи в виде серебряного тигра.

«Помогите, – закричала она на кемейранском языке. – Пожалуйста, помогите!»

Они посмотрели на нее и рассмеялись.

Линн ничего не ответила.

Егерь еще мгновение наблюдал за ней, затем пересек комнату. Он порывлся в ящиках и мгновение спустя положил рядом с ней свернутую одежду и кожаные ботинки.

– Одевайся. Мы скоро двинемся.

Двинемся? Он уже просил ее двигаться, когда не прошло и часа с тех пор, как ее ранили? Линн нахмурилась, глядя на него, но затем собрала остатки своего достоинства и выпрямилась.

– Каков твой план?

Он вытащил из-за пояса связку ключей и отпер окно в углу кабинета. Металлические решетчатые ставни с грохотом ударились о стены. Ворвался холодный ветер, разбросал бумаги на дубовом столе и зашевелил тонкую льняную рубашку Линн.

Свеча погасла, погрузив их в темноту.

Стоя на подоконнике, окутанный ночью, егерь выглядел так, словно был отлит из жидкого серебра и теней.

– Мой план, – сказал он, – состоит в том, чтобы выбросить нас из этого окна, учитывая, что ты так хорошо прыгаешь с высоких мест.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что он не шутит. Линн разинула рот.

– Ты имперский стражник, – подчеркнула она. – Наверняка у тебя есть другие способы побега? – Она взмахнула ладонью. – Может быть, главные ворота?

– Я такой же пленник здесь, как и ты, – ответил он. – Императрица и мой капитан послали меня сюда вместо ссылки. Неповиновение прямым приказам императрицы карается смертью. Все хуже, чем было бы, если бы я дезертировал. – Он вскинул голову, и его взгляд стал острее. – Вот почему я здесь, с тобой.

Линн внимательно наблюдала за ним. Она не доверяла ему настолько, чтобы привести его к Ане, но ей действительно нужно было, чтобы он сбежал из этой жалкой тюрьмы.

Ее решению помогло то, что он был исключительно искусен в бою. И что у него могут быть сведения о передвижениях войск и планах Морганьи.

Она соскользнула с его стола, проверяя равновесие. Ее рана предупреждала ее едва уловимыми импульсами боли, но она проигнорировала их и захромала к открытому окну.

Зимний ветерок налетел на нее, холод обжег щеки и принес с собой запах снега и темноты. Линн вздрогнула, но наклонилась вперед. Навстречу его объятиям. «Моя стихия», – подумала она, и, когда снова открыла глаза, мир стал движением воздуха, едва уловимым изменением потоков и сквозняков, пока они кружились в бесконечном танце.

«Я невидимка и тени».

– Идем, – сказала она.

Ночь поглотила их, когда они забрались на подоконник, и звезды развернулись над головой Линн в калейдоскопе серебра. Она глубоко вдохнула, на мгновение очарованная их тихой магией и вездесущим сиянием, светом других миров, мерцающим сквозь ткань неба.

В ее голове промелькнула история – та, которую ей рассказала мать, о том, как звезды образовались из слез двух разлученных влюбленных. «Их любовь теперь освещает ночное небо, – сказала ама-ка, прежде чем встретиться глазами с Линн, – точно так же, как и моя любовь осветит твое и Энн, где бы вы ни были».

Линн отогнала воспоминания, и они рассеялись так же легко, как снег на ветру.

– Это будет... – начала она, но слово с трудом родилось у нее на языке, когда егерь чем-то обхватил ее за талию.

Гладкая, прозрачная ткань, слегка мерцающая, чтобы придать ей видимость, легла ей на плечи. Она узнала бы ее где угодно – так же, как узнала бы эту вещицу на своей талии и плечах. Егерь вышел на каменный выступ и пристегнулся к ней.

Сердце Линн упало, когда она коснулась ткани между плеч.

– Чи, – сказала она на своем родном языке, слово было горько-сладким на вкус. Крыло. – Кемейранский чи. Где... где ты его достал?

– Я имперский стражник, – ответил егерь, выглядя слегка удивленным. – Конечно у меня есть более надежный способ спастись, чем прыгать с края обрыва.

Странный узел образовался у нее в горле – клубок надежды и счастья, за которым последовало такое непреодолимое горе, что, она подумала, сейчас расколется. Ее кулаки крепко сжались вокруг чи.

В последний раз, когда она летала с одним из них, Энн забрали.

– Я не знаю, справлюсь ли с ним, – она старалась, чтобы ее голос звучал твердо, но получилось слабо.

Она почувствовала, как егерь рядом заерзал. Когда она взглянула на него, его глаза были прикованы к ней, а взгляд был таким же твердым, как хватка на серебряном ноже.

– Все в порядке, – сказал он, и глубокий тон его голоса успокоил ее. – В конце концов, они называют меня егерем. Я контролирую поток твоей силы родства и могу подавить его или, в данном случае, направить. – Кривая улыбка появилась на его губах. – Я предпочитаю последнее.

Линн встала, и мир опустился, расширяясь по периметру скал, которые резко уходили вниз, чередуясь тенями и призрачно-белым снегом. Внизу виднелась лишь темная масса сосен, маленьких, словно рисовые зернышки, которые она могла держать в ладонях. У нее закружилась голова, и знакомая тошнота в сочетании с холодным прикосновением страха охватила ее. Образ вернулся к ней, сотрясая ее: скрюченное тело Энн и его чи, свернувшееся и падающее с небес.

Она почувствовала движение рядом с собой, и следующее, что она помнила, сильные руки – сильные, но нежные – обняли ее за плечи, их тепло временно защитило ее от ночного холода.

– Посмотри на меня, – сказал егерь. Она встретила с ним взглядом, и он приковал ее к месту. – Я не дам тебе упасть. Все в порядке? Я не дам. Просто сосредоточься на мне и на силе родства.

Линн заставила себя кивнуть. Он был лейтенантом до своего изгнания, и она знала от Мастеров ветра, что сила исходит не только от физической силы, но и от умственной стойкости. Лучшие командиры обладали высокой чувствительностью к мыслям своих подчиненных и знали, как управлять эмоциями своих войск, когда это было необходимо.

Возможно, ею управляли.

Но если она умрет, то и он тоже. Это было холодное утешение.

Линн глубоко вздохнула и одним шагом сократила расстояние между собой и егерем. Он окаменел, когда она обхватила его руками за талию, ее голова едва касалась его шеи.

– Держись крепче и слушай мой сигнал, – сказала она, надеясь, что это прозвучало уверенно.

Сила родства откликнулась на ее зов, и ветры с ревом ожили: торжествующие, сильные и свободные. Ее сердце наполнилось чи, прозрачный шелк расцвел над их головами, поддерживаемый ветром.

– Сейчас! – воскликнула Линн.

Выступ ушел у них из-под ног, и они полетели вниз.

Сначала это походило на то, чем и являлось, – на свободное падение, кувыркание в беспорядочной путанице рук, волос и ткани. Линн потянула за ветер и почувствовала, как чужое присутствие появилось в ее силе родства, теплое и сильное, как направляющая рука, тянущая ее за собой. Ее чи раскрылось, как два тончайших крыла, над ее плечами, оттягивая их назад.

А потом они полетели. Парили в бесконечном небе из звезд и снега, ветер хлестал их по лицам и завывал у них в ушах. Земля внизу казалась такой далекой – потому что она летела, – и мир простирался в безграничное царство возможностей, надежд и... магии.

Что-то ожило в ее груди, поддерживаемое ветрами, которые подняли ее, и внезапно она засмеялась, визжа от радости, когда они взмыли над вершиной горы, ее зазубренные вершины и снежные шапки тянулись к ним издалека. Луна была угловатой в полуночном небе, и впервые за много-много долгих лет Линн подумала, что может дотянуться до звезд.

Надежда развернулась в ее груди: крошечные, сломанные крылья.

Найдет ли она, в конце концов, дорогу домой? Была ли она все еще достойна признания своей семьи, своих Мастеров ветра и своей империи?

Теперь они спускались, и ветер, казалось, принял самостоятельное решение. Он баюкал ее, как гигантские невидимые руки, простирившиеся с ночного неба, мягко опуская их с егерем.

Тени внизу разделились на вершушки отдельных сосен, снег между ними серебрился в лунном свете. Линн потянула за свою силу родства, ловко сплетая ветры, как дергают за ниточки в кемейранском кукольном театре теней, и они по спирали спустились вниз, приземлившись в снег.

Мир замер.

Линн заставила себя сесть. Восторг от полета прошел, она внезапно задрожала. Использование силы родства вскоре после травмы опустошило ее и унесло энергию, оставив ее пустой оболочкой.

Что-то теплое упало ей на плечи. мех защекотал подбородок.

– Возьми мое пальто, – сказал егерь, его глубокий голос сливался с ночью. – Ты заслужила.

У Линн даже не было сил ответить. Когда она закутывалась в пальто, то слышала позади себя звук возни. Мгновение спустя появился егерь с холодным блинчиком.

Острый укол голода настойчиво пронзил ее из-за иссякшего в крови адреналина. Линн закончила с блинчиком в три укуса, на губах остался слабый привкус рыбы со сливками.

Она впервые огляделась вокруг. Они приземлились посреди северной тайги, и на многие мили вокруг не было ничего, кроме деревьев.

– Мы разобьем здесь лагерь на ночь, – егерь уже разложил чи вокруг них, ткань слегка мерцала, когда разворачивалась на снегу. Вот почему чи был идеальным материалом для кемейранских разведчиков и воинов: он был легким, как воздух, тоньше шелка, но потрясающе сохранял тепло.

Благодарность вспыхнула в ней, когда она смотрела, как егеря расстилает еще одно одеяло на земле. Она не думала, что смогла бы сделать еще хоть шаг, и была рада, что этого не потребовалось.

Егеря сел на более толстое одеяло, расшитое яркими цветами и замысловатыми узорами, которые не напоминали кириллийские, или какие Линн когда-либо видела. Он кивнул на импровизированный тюфяк из чи.

– Я буду нести первую вахту. Отдохни немного.

Линн собрала все оставшиеся силы и, спотыкаясь, подошла к чи. Он был старым, жестким от неиспользования, но если бы она сжала его в кулаках и закрыла глаза, то могла бы притвориться, что это тот, который ама-ка и ее Мастера ветра подарили ей после того, как проявилась ее сила родства; тот самый, который она взяла с собой, когда летала с Энн и они лежали под усыпанным звездами небом и шептались о своем будущем.

Свет звезд был холодным, а ночное небо таким же черным, как и ее горе. Ее кулаки дрожали, когда она обернула чи вокруг себя, желая, чтобы оно могло оградить ее от реальности мира, в котором она, возможно, никогда больше не увидит свою семью и свой дом.

– Кемейранская дева. – Она услышала голос егеря как будто издалека. – Я так и не узнал твоего имени. Мы... плохо начали знакомство.

Меньше всего ей хотелось отвечать ему. В конце концов, она не собиралась далеко идти с ним. В ближайшие несколько дней, как только она достаточно поправится, чтобы путешествовать самостоятельно, Линн оставит его.

И все же он спас ей жизнь. Она была обязана ему.

Линн справилась с болью в горле.

– Меня зовут Линн.

Сон пришел к ней, его края были зазубрены тревогой. Смутно, в сумерках между бодрствованием и сном, ей показалось, что она услышала его ответ.

– Меня зовут Кис.

12

Выпал снег, окутав мир серой пылью.

Ана остановила своего валькрифа, ее дыхание превратилось в облачко тумана, а боль в спине приглушилась от холода. Здесь, в горах, воздух был разрежен, хвойные деревья замерзли под белым покровом, который мало защищал от неумолимых зимних штормов Кирилии.

На другой стороне, однако, пролегла граница Южной Кирилии. И нужный Ане пункт назначения – порт Голдвотер.

Регулярный маршрут в порт проходил вокруг этих гор, по главной дороге, по которой часто ездили торговцы и торговые повозки. Также он кишел имперскими патрулями. Раненая и одинокая, Ана выбрала более быстрый и гораздо более опасный путь: печально известный труднопроходимый Крест Оссеницвы.

Небо над головой приобрело темно-серый оттенок, обещая снегопад.

Ана прижала руку к пояснице. В отдаленной деревне она нашла целителя, аффинита плоти, который закрыл ее рану, не задавая вопросов о шарфе, плотно прикрывавшем нижнюю половину лица. Но ее кожа, превратившаяся в сморщенный шрам, все еще была сырой и опухшей, и ей требовалось чистить ее каждую ночь. Постоянная боль истощала ее, значительно замедляя путешествие.

Крест Оссеницвы должен был занять у нее меньше суток. Но наступала ночь, а лабиринт хвойных деревьев все еще простирался за пределами ее зрения, сосульки беспорядочно звенели на ветру.

Она должна остановиться и укрыться до того, как наступит настоящая ночь и температура резко упадет.

И все же...

Она слышала истории о Кресте Оссеницвы, где Огни Богов прижимались к вершине горы и в темноте превращались в магию, порочную и навязчивую. Охотники, торговцы и ученые-экспериментаторы исчезли на замерзших дорогах и никогда более не возвращались.

Ана прищурилась, глядя на далекий горизонт, где последние лучи солнца стекали с неба холодной ледяной синевой, уступая место ночи. Она была так близко к подножию гор. Еще час или два, и она должна была оказаться там.

Ана прищелкнула языком и вонзила каблуки в своего валькрифа. Скакун фыркнул и начал неуклонно пробираться вперед, его когтистые копыта легче, чем у любой другой лошади, вцеплялись в снег, а молочно-бледный взгляд легко прорезал темноту. Лед примерз к его густой белой гриве, снежинки прилипли к длинным ресницам.

К этому времени Ана полностью оставила попытки отряхнуться от снега. Ее меховая накидка, ботинки и кожаные перчатки обледенели, шарф, которым она обмотала нижнюю половину лица, замерз от влажности ее дыхания. Он царапал ее щеки, когда она покачивалась верхом на своем валькрифе, мир расплывался в массу темноты и бледно-серого.

Ее валькриф фыркнул.

Ана моргнула, не заметив, что впала в ступор. На холоде было легко заснуть, и в те дни, когда она путешествовала с Мэй или Рамсоном, они разговорами помогали друг другу бодрствовать.

Призрачный смех пронесся среди деревьев.

Волосы у Аны на руках встали дыбом. Вокруг воцарилась странная тишина, сменившая вой ветра. Порывами падал снег. Воздух сгустился.

Ее валькриф пронзительно заржал, и от этого звука у Аны по коже побежали мурашки. Ее скакун замедлил ход и начал мотать головой, белки его глаз закатились. Ана крепче сжала поводья и вспыхнула силой родства, ища следы крови.

Ничего.

Именно тогда ее валькриф заржал, и Ана услышала его: вой, пронзивший огромные пустые горы.

За слепящей завесой снега что-то двигалось.

Ее скакун снова заржал, и Ана потянулась за кинжалом.

– Спокойно, – пробормотала она, обращаясь и себе, и к валькрифу. Она крепко сжала поводья, чтобы унять дрожь в руках.

Впереди появились две точки света – болезненного, бледно-голубого, цвета мертвых. Они двигались слишком уверенно, чтобы быть факелами или чем-то человеческим.

Ветер с воем пролетел мимо нее, и в ее голове пронеслись детские истории и слухи о существах, которые обитали в далеких горах Империи. Слишком поздно Ана поняла, что это было и что ее кинжал не имел силы против этого существа.

Ледоволк шагнул сквозь снег.

Он возвышался над ее валькрифом, вырезанный изо льда, его обветренное тело покрывали прожилки инея, а клыки были длиннее ее предплечий. Самыми ужасными были его глаза: мертвенно-белые, с крошечным голубым зрачком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.